

СЕКСУАЛИЗИРОВАННОЕ НАСИЛИЕ В ЕВРОПЕ 1520–1850 ГОДОВ.

К историзации понятий «изнаси- лование» и «домогательство»¹

Проф. Франциска Лоец

УДК: 34.047.

Перевод с немецкого
Елизаветы Гайдуковой

Ключевые слова:
изнасилование, домогательство,
история права.

Аннотация

Сексуальное насилие создало совершенно ассиметричные взаимоотношения между насильником и жертвой, а также между обвинителем и судом. В статье дифференцируется и критикуется этот простой и ригидный взгляд. При помощи сравнительного анализа примеров из европейской практики, взятых из судебных дел швейцарского города-государства Цюрих, в статье обсуждается, как можно решать концептуальные и эмпирические проблемы, возникающие при историческом анализе: как мы можем соотносить между собой досовременные и современные источники? Как понять, что слова «изнасилование» и «насилие» значили в прошлом? Что мы можем узнать о взаимосвязях обвинителей, ответчиков и суда? Как можно интерпретировать приговоры, которые кажутся нам крайне несправедливыми в наши дни, но были легитимны в прошлом?

1. Благодарю Вальтера Бероргера и Доминика Зибера за их помощь в некоторых архивных исследованиях. Все документы, ссылки на которые приведены в статье, относятся к государственному архиву кантона Цюрих (StAZH).

Статья была впервые опубликована в журнале «Geschichte und Gesellschaft» № 35 (4) за 2009 год, с. 561–602. DOI: <https://doi.org/10.13109/gege.2009.35.4.561>.
Перевод публикуется с согласия автора.

Sexualised Violence in Europe 1520–1850. On the Historicisation of “Rape” and “Abuse”

Prof. Dr. Francisca Loetz

*Translation from German
by Elizaveta Gaydukova*

Keywords:

rape, harassment, history of law.

Abstract

Sexual violence created an utterly asymmetric constellation between the offender and the violated person, as well as between the accuser and the court. This paper differentiates and criticises this simple and static view. With a comparative perspective on European examples and based on court records of the communal state of Zurich, the paper discusses how to deal with the conceptual and empirical problems arising in a historical analysis: How can we make pre-modern and modern sources relate to each other? How can we approach what “rape” and “abuse” meant for the contemporaries? What can we find out about the constellations between the accusers, the defendants, and the court? How can we understand the sentences which seem extremely unjust to us today as being fair at that time?

The article *Sexualisierte Gewalt in Europa 1520–1850. Zur Historisierung von „Vergewaltigung“ und „Missbrauch“* was first published in the journal *Geschichte und Gesellschaft*, No. 35 (4), 2009, pp. 561–602. DOI: <https://doi.org/10.13109/gege.2009.35.4.561>. The author has given consent for this publication of the article to In Your Own Words (Svoimi Slovami).

Мужчины, насилующие женщин; преступники, которые совершают сексуальное насилие по отношению к детям; общество, затрудняющее жертвам путь к правосудию; суды, которые выносят несправедливые приговоры — может ли неравенство проявляться сильнее? Сейчас этот риторический вопрос напрашивается сам собой, но он не был релевантным для многих, кто размышлял об этом ранее. Однако цель этой статьи — не доказать, что в Европе в прошлом к жертвам сексуального, или, точнее, сексуализированного² насилия их окружение и суд относились неодинаково. Гораздо важнее оказывается вопрос о том, в чем эмпирически проявлялась эта разница для закона, и здесь я рассматриваю четыре различных аспекта: это разница между современным и досовременным пониманием сексуализированного насилия и наказания за него; неравнозначность источников; неравное положение дел для жертвы и насильника, а также различное соотношение сил перед судом. Исследуемый временной промежуток простирается от 1520 до 1850 гг., а географически мы рассмотрим эти вопросы на примере кантона Цюрих, при этом учитывая практику в других регионах Европы. Это, в свою очередь, поможет выяснить, что объединяет раннее Новое время с переломным временем³ в отношении сексуализированного насилия и в чем они отличаются.

I. Изнасилование, домогательства, «прелюбодеяние» и «блуд», или проблема неоднозначности понятий⁴

Насилие кажется зонтичным термином, который легко и прагматично может быть определен как причинение физического вреда кому-либо против его воли. Я считаю такое понимание насилия слишком узким. Разве сексуализированное насилие ранит только

2. Я избегаю термина сексуальное насилие, так как сексуальность сама по себе не имеет тесной связи с насилием, и, следовательно, сексуализированное насилие понимается как насилие над средствами проявления сексуальности. При этом я сохраняю такие выражения, как «сексуальное нападение» или «сексуальный насильник», учитывая при этом языковые условности.

*3. Здесь и далее немецкий термин *die Sattelzeit*, введенный Р. Козеллеком, будет переводиться как «переломное время» или «переходная эпоха». — Прим. переводчицы.*

*4. В немецком языке существуют два термина для обозначения изнасилования — *die Notzucht* и *die Vergewaltigung*. Их различие, во-первых, хронологическое: *die Vergewaltigung* используется и в современном немецком, в то время как *die Notzucht* — архаизм. Второе, и, видится, более существенное различие — этимологическое. *Die Notzucht* восходит к словам *die Nötigung, der Notzwang* (принуждение) и *die Zucht, der Raubzug* (разбой). Таким образом, на первый план выходит недобровольность «обладания», в отличие от нарушения права на самоопределение, которое оказывается важным при употреблении термина *die Vergewaltigung*. — Прим. переводчицы.*

тело? Должно ли быть кровотечение или должны ли появиться синяки, чтобы назвать что-либо насилием? Было ли вообще разделение тела и души характерным для людей раннего Нового времени и переломного времени? Для намеченных мною целей не нужно продолжать эти вопросы, которые могут проиллюстрировать, что насилие выходит за пределы физического, так как юристы и врачи и в наши дни также сталкиваются с трудностями, пытаюсь определить, что именно является сексуальным насилием. Имело ли место «прелюбодеяние» только тогда, когда был порван гимен? Предусматривает ли «прелюбодеяние», что был совершен не только коитус по принуждению, но и произошел внутривагинальный *emissio seminis*? Считался ли непроникающий незащищенный половой акт «прелюбодеянием»? Могли ли вообще дети, не достигшие половой зрелости, считаться «совращенными», если насильник физически не мог не совершить проникающий сексуальный контакт? Мог ли термин «прелюбодеяние» употребляться применительно к проституткам, чья невинность считалась и так потерянной? Если, согласно современным для рассматриваемых периодов медицинским данным, беременность предполагала чувство полового влечения у женщин, то могли ли беременные быть принуждены к половым контактам против их воли? Эти вопросы были характерны для юридических и медицинских исследований раннего Нового времени и переходной эпохи⁵. Большинство из них мы можем найти до конца исследуемого нами временного периода в бумагах адвокатов и прокуроров Цюриха; они хорошо демонстрируют проблемы, которые влекли за собой концептуализация сексуализированного насилия и, соответственно, пространство для интерпретации, которое открывали юристы⁶.

Если термин «прелюбодеяние» нельзя приравнять к современному понятию изнасилования из-за его расплывчатости, то множество других исходных терминов в судебных протоколах свидетельствуют о том, насколько мало были очерчены формы сексуализированного

5. См.: Künzel C. *Vergewaltigungslektüren. Zur Codierung sexueller Gewalt in Literatur und Recht*. Frankfurt, 2003; Lorenz M. "Weil eine Weibsperson immer so viel Gewalt hat als erforderlich". *Sexualität und sexuelle Gewalt im medizinisch-juristischen Diskurs und seiner Praxis*, 17. bis Anfang 20. Jahrhundert // *Neue Geschichten der Sexualität / Franz X. Eder, Sabine Frühstück* (Hg.). Wien, 2000. S. 145–166; Meyer-Knees A. *Verführung und sexuelle Gewalt. Untersuchung zum medizinischen und juristischen Diskurs im 18. Jahrhundert*. Tübingen, 1992; Porret M. *Le crime et ses circonstances. De l'esprit de l'arbitraire au siècle des Lumières selon les réquisitoires des procureurs généraux de Genève*. Genf, 1995.

6. Это утверждал, например, защитник 55-летнего Якова Киндлимманна: «изнасилования, определяемого законом как "контакт гениталий", не было, поскольку Киндлимманн не мог совершить проникающий половой акт с шестилетней Маргарет Брюннер и, соответственно, внутривагинальной эякуляции не было». См.: YY.25.19, S. 1155, 8.5.1841.

насилия в раннее Новое время и в переходную эпоху. Об этом говорит множество материалов, входящих в состав цюрихских заключений⁷. В этих примерах помимо «прелюбодеяния» также встречаются такие термины, как «блуд», «непристойность», «легкомыслие», «проституция», «излишние прикосновения», «домогательства», «публичное нарушение норм нравственности» и так далее, без возможности четко отделить термины друг от друга. Зарегистрированные случаи должны быть сперва проанализированы, прежде чем они могут быть названы современными понятиями «изнасилование» или «домогательства». То обстоятельство, что нам необходимо сделать этот терминологический «перевод», уже ясно дает понять, что сексуализированное насилие в рассматриваемые периоды не похоже на представления западного мира о насилии в наши дни. Это также относится к «изнасилованию», отягощенному инцестом, которое редко регистрировалось как таковое. Скорее всего, они должны были скрываться под названием «позор крови», который, однако, не дает однозначного понимания того, был ли это незаконный сексуальный контакт между родственниками с применением силы или по меньшей мере против желания одного из взрослых или детей. Поэтому в этом исследовании не затрагивался «позор крови», и инцест принимался во внимание лишь тогда, когда его определяли как «прелюбодеяние». По этой же причине «содомия», «излишние прикосновения» и «сладострастие» не рассматривались в этой работе. Большинство актов не позволяет однозначно судить, осуществлялись ли гомосексуальные контакты насильственно и в каких случаях⁸.

Вследствие этого возникает фундаментальный методологический вопрос: как современные категории отражают реалии прошлого? Решение, которое я предлагаю здесь, условно: либо я использую исходные термины и тем самым маркирую инаковость понимания источников, либо я применяю современную терминологию, для которой, в этом случае, нужно заранее определить соответствие с исходным кодом. Учитывая широту исторических терминов, здесь я говорю о сексуализированном насилии в целом и помещаю термины «изнасилование» и «домогательство» в кавычки, когда я

7. О расплывчатости досовременной концепции изнасилования: Durston G. *Rape in the Eighteenth-Century Metropolis, Part 1* // *British Journal for Eighteenth-Century Studies*. 2005. № 28. P. 167–179; Cautela S. G. *Le “viol” au XVIIe siècle. Entre théories et pratiques* // *Normes juridiques et pratiques judiciaires du Moyen âge à l’époque moderne* / Benoît Garnot (Hg.). Dijon, 2007. P. 103–111; Koch A. *Die Verletzung der Gemeinschaft. Zur Relation der Wort- und Ideengeschichte von “Vergewaltigung”* // *Österreichische Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 2004. № 15. S. 37–56.

8. Сексуализированное насилие как феномен военного времени — отдельная тема, и потому не будет рассмотрено в статье.

подразумеваю специальный термин. «Изнасилование» обозначает формы неправомерного проникающего полового акта. «Домогательство», напротив, понимается как неправомерный непроникающий сексуальный контакт, причем с использованием физического или вербального насилия. То есть, «домогательство» совершается под угрозой применения силы и против, или по меньшей мере без желания, взрослой или несовершеннолетней жертвы, и, таким образом, совершается в оскорбительной форме. Термин «прелюбодеяние» в раннее Новое время может обозначать и изнасилование, и домогательства, или даже (что я не буду рассматривать в статье) внебрачный половой акт по обоюдному согласию. Таким образом, понятия «изнасилование» и «домогательства» не соотносятся с категориями современного Швейцарского законодательства, в котором строго разграничиваются действия сексуального характера с детьми или подчиненными, сексуальное принуждение (проникающий сексуальный контакт, отличный от коитуса), изнасилование (половой акт с женщиной) и надругательство (действия сексуального характера в отношении душевнобольных или не способных оказывать сопротивление)⁹. Также, согласно немецкому законодательству, жертвами изнасилования могут считаться люди обоих полов, и этим термином обозначают любые формы сексуального контакта, не обязательно подразумевая проникающие акты¹⁰. Австрийские же законы используют другую категоризацию¹¹, что доказывает, что и по сей день в языке сосуществуют различные юридические толкования того, как понимать сексуализированное насилие. Здесь также уместен вопрос, где именно проходят возрастные границы права на сексуальное самоопределение¹². Очевидно, что сексуализированное насилие непросто определить, а также трудно выделить его различные категории. Это становится тем более верным, когда дело доходит до изучения различных способов обращения с сексуализированным насилием на основании судебных актов домодерной эпохи, в которых часто не до конца ясно, насколько далеко заходили гомоэротические «излишние прикосновения», и считаются ли «от-

9. Art. 187–191 StGB/CH Schweizerisches Strafgesetzbuch vom 21.12.1937 (SR 311.0).

10. § 177 StGB/D Strafgesetzbuch in der Fassung der Bekanntmachung vom 13.11.1998 (BGBl. I. S. 3322), впоследствии изменен на закон от 31.10.2008 (BGBl. I. S. 2149).

11. § 201 StGB/A Bundesgesetz vom 23.1.1974 über die mit gerichtlicher Strafe bedrohten Handlungen, BGBl. Nr. 60/1974, впоследствии изменен на федеративный закон BGBl. I. Nr. 52/2009.

12. О Лондоне в XVIII веке см.: Simpson A.E. *Vulnerability and the Age of Female Consent. Legal Innovation and Its Effect on Prosecutions of Rape in 18th Century London // Sexual Underworlds of the Enlightenment / George S. Rousseau, Roy Porter. Manchester, 1987. P. 181–205.*

роки» (Knabe) и «юноши» (Meitli) детьми или не состоящими в браке взрослыми, а «дочери» (Töchter) — девушками¹³.

II. Справедливый приговор, или проблема неравенства

Все, кто говорит о неравенстве, автоматически включают и понятие равенства. С равенством мы связываем современное правосудие, например, одинаковые наказания за одни и те же проступки¹⁴. Применять этот принцип в отношении домодерной эпохи — значит допускать анахронизм и вынесение поспешного суждения о том, что досовременное правосудие было произвольным. Оно являлось таковым, но в особом понимании людей прошлого. Как показали Андрэ Хольштайн в «Проблеме нормы обстоятельств» или Карл Хэртер на примере судопроизводства Майнца, «самовластие» руководствовалось не современными принципами справедливости, а следовало домодерной логике правильного, и, следовательно, справедливого суждения¹⁵. Поэтому, чтобы избежать анахроничных предубеждений, необходимо понимать различия в положении дел, которое существовало между людьми и институциями; важно не квалифицировать их априори как несправедливость, а понимать эти расхождения.

III. «Закрытые» источники, или проблема разнородности источников в исследовании длительных периодов времени

При исторической оценке зарегистрированных дел о сексуализированном насилии может быстро сложиться впечатление, что мало что изменилось в соотношении сил между жертвой и насильником, в их неравенстве для суда. Однако при нынешнем состоянии исследований тяжело сделать более подробные описания исторических

13. По этой причине, если в актах прямо не говорится о детях, то в некоторых случаях затруднительно определить, что жертвами были дети. Дети определяются здесь как лица возраста до 16 лет, но судебные протоколы XIX века обозначают эту границу возрастом сексуального согласия, и обычно этот возраст колеблется между 17 и 18 годами.

14. О проблематике досовременного vs. современного понимания равенства и справедливости см. работу Иоахима Айбахса в этом же сборнике. (Подразумевается журнал «Geschichte und Gesellschaft» № 35 (4) за 2009 год. — Прим. редактора).

15. См.: Härter K. *Policey und Strafjustiz in Kurmainz. Gesetzgebung, Normdurchsetzung und Sozialkontrolle im frühneuzeitlichen Territorialstaat*, 2 Bde. Frankfurt, 2005; Holenstein A. *Die Umstände der Normen — die Normen der Umstände. Policyordnungen im kommunikativen Handeln von Verwaltung und lokaler Gesellschaft im Ancien Régime // Policy und frühneuzeitliche Gesellschaft*. Frankfurt, 2000. S. 1–46.

изменений сексуализированного насилия, поскольку большинство и без того немногочисленных работ охватывают период длиной лишь в несколько десятилетий. Исследований, рассматривающих большой промежуток времени, перешагивающих границы эпох, определенно не хватает, однако при попытке провести их возникает фундаментальная проблема, характерная для любой подобной работы. Изучение длительных промежутков времени предполагает, что область наблюдений оставалась максимально стабильной в своей административной структуре и географической протяженности. В противном случае из-за изменения административных и пространственных границ нельзя гарантировать возможность сравнения документов, даже относящихся к одним и тем же институциям. Такую структуру, унаследовавшую достаточное количество источников, еще предстоит найти. Многочисленные изменения территориальных границ и потери населения в ходе войн, а также факт, что сохранились не все архивные фонды, осложняют поиск подходящих эмпирических примеров во временном отрезке между поздним Средневековьем и ранним Новым временем.

В городе-государстве Цюрихе есть подобный пример, где с конца Средних веков и до XIX века были сохранены основные политическая и административная структуры. Благодаря этой континуальности до нас дошел источник так называемых «Отчетов разведчиков и дополнений к ним», который покрывает временные рамки нашего исследования и простирается приблизительно от 1530 до 1798 гг. «Отчеты разведчиков» включают в себя примерно 85 000 отдельных страниц формата фолио¹⁶ и состоят из протоколов допросов людей, которые должны были отвечать в суде в качестве обвиняемого или свидетеля. Значения слов и языковые особенности сохраняются на протяжении более 260 лет. Совет, заседавший в Цюрихе, отправлял так называемых разведчиков из своих рядов в город и в деревни, располагавшиеся на подчиненных территориях. Они опрашивали пострадавших и свидетелей на месте, как можно точнее протоколировали их показания и отправляли их в совет, который, в свою очередь, в письменном виде выносил свое решение как городской или высший сельский суд¹⁷. Несмотря на идентичные функции, кото-

16. Имеются в виду отдельные листы формата *in folio*, размер которых составлял приблизительно 63,5 × 48,5 см. См.: Roberts M., Etherington D. *Bookbinding and the conservation of books: a dictionary of descriptive terminology*. Washington: Library of Congress, 1982. P. 35. — Прим. переводчицы.

17. Подробнее об исторической ценности «Отчетов разведчиков и дополнений к ним» см.: Loetz F. *Mit Gott handeln. Von den Zürcher Gotteslästerern der Frühen Neuzeit zu einer Kulturgeschichte des Religiösen*. Göttingen, 2002. S. 96–108.

рые разведчики должны были выполнять в течение 260 лет, состав источников изменился с течением времени. Если в первые десятилетия XVI века отчеты, как правило, состояли всего из нескольких строк, то с середины XVI века объем записанного в протоколах, и, следовательно, их детализация, значительно увеличивается. Такие документы часто располагались на двух листах, а к XVIII веку они преимущественно составляли уже четыре листа. С XVII века в отчетах также появляются свидетельства о моральных качествах истца и обвиняемых. В случаях физического или сексуализированного насилия к протоколу также прилагались заключения врача или акушерки. Учитывая эти изменения, можно ли сравнивать между собой редкие дела об «изнасилованиях» и «домогательствах», которые перед этим нужно выделить из общего количества судебных дел? И да, и нет. С одной стороны, очевидно, что нет, потому что в судебных актах было опущено много информации¹⁸. С другой — несмотря на разное количество сведений, записи разведчиков все же можно сравнивать друг с другом, поскольку они одинаково структурированы. Они как можно подробнее записывали рассказы опрашиваемых, используя при этом косвенную речь, но не записывая слово в слово. Благодаря приложенным ими усилиям информация систематически фиксировалась на протяжении веков. Большинство разведчиков отражали в своих записях также обстоятельства нападения, реакции жертвы и ее окружения, а также описывали поведение обвиняемого перед судом. Таким образом, уровень детализации варьируется от протокола к протоколу, и поэтому не стоит недооценивать различную плотность информации, поскольку эту разницу все же можно преодолеть.

С прекращением существования старой конфедерации количество разведчиков почти сходит на нет к 1798 году. Не имея возможности достоверно определить, как и когда были реализованы правовые реформы в периоды Гельветической республики, во время действия Акта посредничества и Реставрации¹⁹, из протоколов пер-

18. Например, в случае с Яковом Кюнгом можно увидеть лишь то, что подозреваемый холостой юноша был по меньшей мере слишком близок в сексуальном плане с незамужней девушкой. Записи в деле фиксируют, что он закрыл ей рот, что доказывает сопротивление девушки «изнасилованию» в соответствии с юридическими представлениями раннего Нового времени. В отличие от более поздних записей допросов, в этом источнике больше не приведены никакие подробности.

19. Текущее состояние исследований не позволяет дать такую оценку. Можно ожидать, что диссертация Кристиана Энгеля о криминальности в Цюрихе в переломное время заполнит эти лакуны. Основываясь на протоколах судебных заседаний, а также своде законов Цюриха, можно сделать вывод о том, что сами потерпевшие или их мужья или, если быть точными, законные представители, обращались к приходскому священнику или бургомистру, а эти обращения передавались в районный суд. (Продолжение на следующей странице).

вой половины XIX века, сохранившихся почти полностью, можно узнать, что судебные процессы все больше становились делом профессиональных юристов²⁰. Показания очевидцев, характеристики или свидетельства о моральных качествах, к которым апеллируют адвокаты в аргументации, больше не помещаются в и без того обширные судебные акты²¹. Судебные дела становятся в большей степени протоколами об итогах судебного заседания, в которых аргументы прокуроров и адвокатов, а также решение суда, записаны по определенному шаблону.

Как сейчас мы можем сочетать протоколы судебных заседаний с разнообразными записями разведчиков? Ответ должен быть основан на том, что мы как историки всегда работаем с лишь частично сохранившимися артефактами прошлого, и потому должны оставить лакуны незаполненными; также мы можем комбинировать различные полученные данные. Применительно к цюрихскому примеру это означает, что материал, предоставленный разведчиками, как нельзя лучше подходит для качественной оценки, в то время как записи из суда, наоборот, более пригодны для количественной оценки. Как еще предстоит показать, оба эти подхода дополняют друг друга и позволяют окинуть взглядом развитие процессов на протяжении примерно трехсот лет. Это подтверждается тем, что до нас дошел фонд документов 1840-х годов, в котором встречается около 50 протоколов судебных заседаний по подобным делам, сохранившимся полностью. Каждое из дел занимало примерно 50 страниц, и в нем приводились показания опрошенных, отчеты врачей и представителей духовенства, а также решение суда, что позволяет сравнивать выводы количественного анализа с данными качественного анализа. Обобщая, можно отметить следующее: несмотря на то, что неодинаковость источников осложняет исследование продолжительных

*Это влекло за собой допрос подозреваемого и передачу дела в Высший уголовный суд Цюриха, который обязательно был первой инстанцией в делах о сексуализированном насилии. После вынесенного приговора предоставлялась возможность подать апелляцию в Высший уголовный суд Цюриха как во вторую и высшую инстанцию, однако названия судов изменились в XIX веке. Ср.: *Officielle Sammlung der von dem Grossen Rath des Cantons Zürich gegebenen Gesetze und gemachten Verordnungen, und der von dem Kleinen Rath emanirten Landes- und Polizey-Verordnungen*, Zürich 1804, S. 157–161; § 93 u. § 101 *Officielle Sammlung der seit Annahme der Verfassung vom Jahre 1831 erlassenen Gesetze, Beschluesse und Verordnungen des Eidgenössischen Standes Zuerich*, Bd. 1, Zürich 1831, S. 169 u. S. 205.*

20. Исследования, освещающие вопросы подготовки адвокатов и судей, не проводились, и потому мы не можем дать какую-либо информацию об уровне их профессионализма.

21. Например, прокурор в обвинении против Йоханнеса Еттера ссылается на дело № 104. См.: YY.10.28, *Johannes Jetter*, 6.10.1836, S. 759–773. При этом неизвестно, сохранялись ли соответствующие акты после завершения судебных дел, или вернее, когда они становились недействительными.

периодов времени, она не делает его невозможным, в случае если можно учесть это неравенство. Необходимо осознавать ценность исходного материала в его специфике вместо того, чтобы грести его под одну аналитическую гребенку. Так же, как нельзя оценить содержание «отчетов разведчиков» из Цюриха по тем же количественным критериям, что и судебные протоколы первой половины XIX века, так нельзя и читать документы из суда словно «насыщенные описания» разведчиков.

IV. Неравноправные пары в суде, или проблема историзации сексуализированного насилия: отчеты цюрихских разведчиков 1530–1798 годов

Когда Рой Портер в 1986 году поставил вопрос о том, релевантно ли говорить об изнасилованиях в историческом контексте, этот вопрос был новым для исторической науки²². С тех пор вышло несколько работ об изнасилованиях в исторической перспективе. Однако большинство из них апеллируют к литературному описанию, концентрируются преимущественно на правовом дискурсе, а также строят свою аргументацию, основываясь на данных XVIII века, и особенно XIX и XX веков²³. Лишь немногие исследователи рассматривали сексуализированное насилие с учетом социальной действительности, как это было записано в судебных актах раннего Нового времени и переломного времени. **Из нашей статьи становится ясно, что в случаях изнасилования и инцеста складывались неравные пары: преступники злоупотребляли властью по отношению к жертвам. Пострадавшим, в свою очередь, было чрезвычайно тяжело обратиться в суд и быть услышанными из-за патриархальных ценностей и су-**

22. См.: Porter R. Rape. Does it Have a Historical Meaning? // Rape / Sylvia Tomaselli u. dets. Oxford, 1986. P. 216–236. К дискуссии об общественном конструировании гендера посредством судопроизводства см.: Griesebner A., Mommertz M. Fragile Liebschaften? Methodologische Anmerkungen zum Verhältnis zwischen historischer Kriminalitätsforschung und Geschlechtergeschichte // Kriminalitätsgeschichte. Beiträge zur Sozial- und Kulturgeschichte der Vormoderne / Andreas Blauert, Gerd Schwerhoff (Hg.). Konstanz, 2000. S. 205–232.

23. См. использование терминов «rape», «sexual abuse», «viol», «violenze sexuelle», «Vergewaltigung», «Mißbrauch» в электронных базах вроде Jstor, или в аннотациях статей по истории для исследуемого периода, или в библиографии Стефана Блашке: [link](#). Также наглядный пример: Hommen T. Sittlichkeitsverbrechen. Sexuelle Gewalt im Kaiserreich. Frankfurt, 1999; Künzel C. Unzucht, Notzucht, Vergewaltigung. Definitionen und Deutungen sexueller Gewalt von der Aufklärung bis heute. Frankfurt, 2003; Bourke-Martignoni J. Rape. A History from 1860 to the Present Day. London, 2007.

дебной практики раннего Нового времени²⁴. Это осознание не оказывается неожиданным, однако анализ случаев, зафиксированных в Цюрихе, дополняет и дифференцирует имеющиеся знания.

Среди тысяч отчетов, составленных разведчиками, находится небольшое количество (но не менее 51) случаев явного сексуализированного насилия²⁵. Но важно иметь в виду, что цифры по разным причинам будут значительно выше. Многие дела, как, например, в Базеле и Вюртемберге, переводили в разряд несудебных путем заключения брака или компенсации²⁶. На примере Цюриха на это указывает высказывание Ханса Хегелера: когда Якоб Амманн столкнулся в трактире с несколькими мужчинами после «изнасилования» Барбары Уцингер в 1656 году, он предложил купить им выпить, если они оставят это дело в покое²⁷. Амманн исходил из того, что все можно урегулировать без обращения в суд, но ему это не удалось. Однако засвидетельствованы и другие случаи, когда преступник был более успешен в том, чтобы компенсировать содеянное материально, и потому судебный акт не был составлен.

Помимо внесудебных соглашений также необходимо учитывать, что в записях разведчиков «прелюбодеяние», вероятно, регулярно называ-

24. Несмотря на то, что список литературы по этой теме довольно обширен, я приведу некоторую выборку ниже: См. Clark A.K. *Women's Silence, Men's Violence. Sexual Assault in England 1770–1845*. London 1987; Corbin A. *Sexuelle Gewalt in der Geschichte*. Berlin, 1992; Griesebner A. *Konkurrierende Wahrheiten. Malefizprozesse vor dem Landgericht Perchtoldsdorf im 18. Jahrhundert*. Wien, 2000; Herrup C. *The Patriarch at Home. The Trial of the 2nd Earl of Castelhaven for Rape and Sodomy* // *History Workshop Journal*. 1996. № 41. P. 1–18; Schneider Z.A. *Women Before the Bench. Female Litigants in Early Modern Normandy* // *Historical Studies*. 2000. № 23. P. 1–32.

25. «Отчеты разведчиков» будут скрывать еще больше случаев, в том числе и менее очевидных. Для того, чтобы их зафиксировать, придется систематически читать все отчеты разведчиков, так или иначе касающихся сексуальных преступлений, но это требовало огромного объема работы. Я сама только мимоходом отметила случаи сексуализированного насилия в рамках своего исследования о богохульстве, для которого просматривала записи, поэтому я могла пропустить некоторые случаи сексуализированного насилия. Однако так называемые «белые» и «синие» реестры, составленные архивистами XVIII века, в которых дела перечислены по отдельности, позволяют провести перекрестную проверку. По ключевым словам: «назойливое / непристойное действие», «принуждение», «неосторожность», «нарушение», — я не заметила дополнительно подходящих дел. Об истории архива Цюриха см.: Weiss R. «Die Registratur der Archiven». *Zur Entwicklung des Zürcher Archivwesens im 18. Jahrhundert* // *Zürcher Taschenbuch N.F.* 2002. № 122. S. 443–491.

26. См.: Burghartz S. *Verführung oder Vergewaltigung. Reden über sexuelle Gewalt vor dem Basler Ehegericht in der Frühen Neuzeit* // *Erkenntnisprojekt Geschlecht. Feministische Perspektiven verwandeln Wissenschaft* / Bettiana Dausien u.a. (Hg.). Opladen, 1999, S. 325–344., hier S. 336. О Вюртемберге см.: Kienitz S. *Sexualität, Macht und Moral. Prostitution und Geschlechterbeziehungen Anfang des 19. Jahrhunderts in Württemberg*. Berlin, 1995. S. 160.

27. См.: A.27.94, Hans Hägeler, 29.5.1657. Дальнейшая информация в разделе A. 27 — это протоколы допросов всех упомянутых, если документы не указаны дополнительно.

ется «блудом»²⁸. Необходимо изучить дополнительные источники, чтобы сделать выводы о сексуализированном насилии в городе-государстве Цюрих. Выборка показывает, что эти дела скрыты за документами о заключении брака, сохранившимися за весь период раннего Нового времени²⁹, в «Книгах советов и судов», а также в отчетах опекунов³⁰. Такая всеобъемлющая оценка источников (сотни томов по несколько сотен страниц), однако, должна остаться предметом какой-либо квалификационной работы. Также важно учитывать, что источники не знают преступления, которое только недавно было определено как таковое — это изнасилование в браке. Судя по тому, что примерно в 1634 году Джонатан Эглин и Маргарет Мюллер оказались в суде из-за того, что Маргарет не хотела исполнять «супружеский долг»³¹, можно представить, что другие мужчины, состоящие в браке, пытались отстаивать свои права не в судебном порядке, а с применением силы³². Поэтому в статье мы можем обсуждать лишь случаи, которые были зафиксированы в «отчетах разведчиков». Для наглядности они представлены в таблице:

28. В пользу этого очевидного предположения говорит приговор судебного совета Албана Сульцера, судимого в 1599 году за неоднократные внебрачные половые связи со своей служанкой и обязанной выплатить денежный штраф в размере 100 фунтов стерлингов. Таким образом, суд назначил штраф, соответствующий штрафу за супружескую измену, и обосновал свой приговор невозможностью доказать, что обвиняемый совершил «прелюбодеяние». См.: А.27.48, Разведчик по делу Сульцера, X.2.1599. «X» будет использоваться здесь и в дальнейшем, когда даты не были записаны полностью.

29. Так, Ева Суттер указывает на четыре случая изнасилования в судебных записях о браке в Цюрихе: Sutter E. "Ein Act des Leichtsinns und der Sonde". *Illegitimität im Kanton Zürich. Recht, Moral und Lebensrealität, 1800–1860.* Zürich, 1995. S. 297–298.

30. Некоторые примеры из детализированных протоколов брачных судов раннего Нового времени указывают на то, что нередко заявлению на вступление в брак предшествовало изнасилование. См. примеры: иск Эльзы Гесслерин против Хенси Бури А.7.1, 26.11.1528 или УУ.1.271; Анна Элизабет Шэрер против Якоба Трайхлера 14.11.1780. В книгах советов и судов обычно фиксируется только правонарушение и приговор, поэтому основная информация, необходимая для качественной оценки, здесь отсутствует. См.: В.VI.254, fol. 20, Albrecht Peter, 1534 Montag nach Heiliger Dreifaltigkeit. Примечательно, что в книгах советов и судов регистрируются обвиняемые, которые не фигурируют в отчетах разведчиков. Можно предположить, что часть отчетов была потеряна, но никаких указаний на это нет. Также возможно, что дела в книгах советов и судов — это дела, которые были рассмотрены устно. Однако уточнить это не представляется возможным. В качестве примера можно привести дело об опекунстве А.128.8, Gorius Suter, 11.12.1668.

31. См.: StAZH. A.27.72. Jonathan Eglin u. Margareth Müller. [1634]

32. О других регионах известно, что соблюдение «супружеских обязанностей» неоднократно становилось причиной жестоких споров. См.: Haack J. *Der vergällte Alltag. Zur Streitkultur im 18. Jahrhundert.* Köln, 2008. S. 163–166. Например, в Бристоле в 1736 году был отклонен судебный иск об изнасиловании, поданный женой против мужа. Аргументом послужило то, что соблюдение «супружеского долга» входило в ее обязанности. Этот закон действовал в Англии и Уэльсе вплоть до 1991 года. См.: Hall R. a.o. *The Rapist Who Pays the Rent.* Bristol, 1984. P. 29.

Общее количество дел о сексуализированном насилии	51		
Общее количество дел, обозначенных как «изнасилование» и «домогательства»	45		
Общее количество «изнасилований»		26	
Случаи, в которых жертва — взрослый человек			21
Случаи, в которых жертва — ребенок			5
В том числе «изнасилования» при инцесте ³³			3
В том числе «изнасилование» двумя (и более) людьми			2
Общее количество попыток «изнасилования»		12	
Случаи, в которых жертва — взрослый человек			5
Случаи, в которых жертва — ребенок			7
В том числе попытки при инцесте			0
Общее количество дел о «домогательствах»		7	
Случаи, в которых жертва — взрослый человек			1
Случаи, в которых жертва — ребенок			6
В том числе «домогательства» при инцесте			4
«Излишние прикосновения»		4	
Другое		2	

Табл. 1. Сексуализированное насилие. «Отчеты разведчиков и дополнения к ним», 1530–1798 гг.

33. Под инцестом понимается сексуальная связь с принуждением между отцом (отчимом), братом или дядей и их дочерьми и сыновьями, сестрами или племянницами. Подробнее о специфике инцеста см.: Eming Jutta u.a. (Hg.). *Historische Inzestdiskurse*. Königstein, 2003; Jarzebowski C. *Inzest. Verwandtschaft und Sexualität im 18. Jahrhundert*. Köln, 2006; Rublack U. Viehisch, *frech und onverschämpt // Von Huren und Rabenmättern. Weibliche Kriminalität in der Frühen Neuzeit / Otto Ulbricht* (Hg.). Köln, 1995. S. 171–213.

Выборка слишком мала, чтобы делать валидные статистические выводы о периоде продолжительностью около 260 лет. Эти цифры должны выступать некоторым индикатором, который подтверждает качественные суждения. Первое, что можно определить по общему количеству зафиксированных случаев — это то, что сексуализированное насилие часто не попадало в поле зрения суда, но, по видимому, не полностью игнорировалось различными инстанциями. Поэтому мы должны проводить различие между пострадавшими, которые предпочли молчать или по меньшей мере не обращаться в суд, и подавшими жалобу и потому занесенными в протокол. В цюрихских «отчетах разведчиков» отсутствуют следы мужских сообществ, практикующих групповые изнасилования, при которых жертва была подвержена еще более неравному соотношению сил. В выборке представлен единственный пример, в котором двое мужчин «совратили» одну женщину. То, насколько велико было количество незарегистрированных случаев и как изменилась стратегия проведения допросов с течением раннего Нового времени, пока остается неизвестным.

Тот факт, что значительная часть случаев — это попытки «изнасилования», можно интерпретировать двояко. С одной стороны, нельзя было однозначно доказать, что «изнасилование» действительно было. Поэтому судья мог наказывать только за попытку «прелюбодеяния», из-за чего обвиняемым выносили более мягкий приговор. С другой же стороны, в некоторых случаях это действительно могла быть лишь попытка «прелюбодеяния». Но, по всей видимости, для пострадавших имело смысл обратиться в суд даже в таких труднодоказуемых случаях. Соответственно, ни советники, ни зарегистрированные жертвы (из записей разведчиков неясно, кто именно подал жалобу), не оставляли такие нападения без внимания. Поэтому замалчивание сексуального насилия не является самоочевидным фактом, хотя истцам было гораздо труднее доказать причиненный им вред, чем в случаях с другими правонарушениями.

Как и ожидалось, инцестуальные связи затрагивают преимущественно детей, особенно сильно зависимых от близких родственников. В целом дети (не только в Цюрихе) часто становятся жертвами сексуализированного насилия³⁴. Как с этими детьми обращались в суде, еще предстоит выяснить.

34. В Лондоне в XVIII веке дети также чрезвычайно часто становились жертвами изнасилований. Durston G. Rape in the Eighteenth-Century Metropolis, Part 1 // *British Journal for Eighteenth-Century Studies*. 2005. № 28. P. 157.

Категории «излишнее прикосновение» и «другое» показывают, как тяжело проложить границы между разными категориями сексуализированного насилия. «Излишние прикосновения» или также «сладоэротические» могут включать в себя гомоэротические практики по обоюдному согласию или сексуальные домогательства до мужчин. Здесь возникает вопрос, можно ли, например, расценивать как домогательства неожиданные объятия без предварительного эксплицитного согласия обоих людей. В любом случае, «излишние прикосновения» могли оставить глубокий след в памяти пострадавшего. Так, спустя 15 лет один из мужчин, подвергнувшийся «излишним прикосновениям» со стороны Ягли Волленвейдера, свидетельствовал перед судом, что был принужден к «блуду» с Волленвейдером. Этого вряд ли можно было ожидать, если бы он не воспринял этот инцидент как глубокое оскорбление и, следовательно, как насильственное действие³⁵. Однако сделать дальнейшие выводы здесь невозможно. В целом сексуализированное насилие над мужчинами особенно трудно уловить в источниках.

Также сложно классифицировать случаи, объединенные категорией «другое». Сюда включены те формы сексуальности, которые были аморальны согласно представлению человека раннего Нового времени, и потому приводили к судебным искам. Например, жалоба жены на своего мужа, требовавшего от нее «нехристианских» форм сексуальной жизни (оральный секс, «неестественные» позы), была отклонена³⁶. Также потерпела неудачу и жена, которая отказывалась выполнять «супружеский долг» и пыталась посредством обращения в суд защитить себя от принуждения к половым контактам³⁷. Были ли эти женщины «изнасилованы» или подверглись «домогательствам» в соответствии с нашими определениями этих понятий? Если привычные для таких судебных актов термины вроде «прелюбодеяния» и т.д. не встречаются, то обвиняемые освобождаются. Но разве женщины все же не подвергались сексуализированному насилию? Можно предположить (и документы, относящиеся к немецким городам XVIII века, служат подтверждением этому³⁸), что этих женщин принуждали угрозами или применением силы, что они, должно быть, считали оскорбительным³⁹. Жертвам сексуализированного насилия в целом было трудно обратиться в суд, но похоже, что для опреде-

35. См.: StAZH. A.27.117. Jagli Wollenweider. 13.11.1684.

36. См.: StAZH. A.27.15. Bartholome Rinnderlis. 3.8.1845.

37. См.: StAZH. A.27.72. Jonathan Eglin u. Margareth Müller [1634].

38. См.: Haack J. *Der vergällte Alltag. Zur Streitkultur im 18. Jahrhundert.* Köln, 2008. P. 155.

39. См.: Haack J. *Der vergällte Alltag. Zur Streitkultur im 18. Jahrhundert.* Köln, 2008. P. 155.

ленных категорий жертв это было особенно тяжело. Неравенство перед судом проявляется не только в парах «жертва — преступник», но и в разных категориях потерпевших.

Как показывают исторические исследования преступлений, не только вид правонарушения, но и социальное положение всех причастных, их межличностные отношения и факт признания вины обвиняемым влияли в раннее Новое время на то, какой вердикт вынесет суд⁴⁰. Поскольку в цюрихских «отчетах разведчиков» редко фиксировались личные данные опрашиваемых, нечасто удавалось установить личность преступника и определить, в каких отношениях находились нападавший или нападавшая и потерпевший или потерпевшая. Малочисленность деталей в протоколах позволяет лишь сделать предположение, что среди преступников были бюргеры, ремесленники и в редких случаях солдаты в возрасте от 15 до примерно 70 лет. Были ли они женаты, указывалось в записях лишь в отдельных случаях. Основываясь на выводах, сделанных в ходе этого и других исследований, жертва и преступник часто не были знакомы, но при этом большинство нападавших входили в ближайший круг знакомых потерпевших⁴¹. Также в различных работах было доказано, что служанки неоднократно становились жертвами своих работодателей⁴². Цюрихские «отчеты разведчиков» позволяют предположить, что то же самое было верно и для Цюриха, но ввиду отсутствия личных данных доказать это не представляется возможным⁴³.

40. В качестве примера см.: Härter K. *Policey und Strafjustiz in Kurmainz. Gesetzgebung, Normdurchsetzung und Sozialkontrolle im frühneuzeitlichen Territorialstaat*, 2 Bde. Frankfurt, 2005. S. 586–1122. Хартер подытоживает подробную аргументацию вышеупомянутой монографии пассажем: «“справедливые” наказания были нацелены не на равноправие, а на социальный статус, честь и социальный капитал, а справедливость и общее благо были не диаметрально противоположностями». Härter K. *Praxis, Formen, Zwecke und Intentionen des Strafsens, 1770–1815 // Strafzweck und Strafform zwischen religiöser und weltlicher Wertevermittlung / Reiner Schulze (Hg.). Münster, 2008. S. 213–231, здесь S. 225.*

41. В выборке примеров из Цюриха — 8 случаев от общего числа случаев сексуализированного насилия (51), когда насильник и жертва были знакомы, и 15 случаев, когда нет, оставшиеся 28 отчетов не получается классифицировать. Однако информация о месте совершения преступления позволяет нам предположить, что доля известных и неизвестных друг другу преступников и пострадавших могла быть схожей. Ведь любой, кто надругался над женщиной или ребенком посреди улицы, с большей вероятностью не знал свою жертву, чем если бы он изнасиловал ее или домогался до нее у себя дома или в собственной комнате, не получив сначала доступа к жертве силой. О происхождении преступника из круга знакомых жертвы см.: Bernard A. *Les victimes de viols à Lyon aux XVIIe et XVIIIe siècles // Les victimes, des oubliés de l'histoire? / Benoît Garnot (Hg.). Rennes, 2000. P. 455–467.*

42. В качестве примера см.: Amussen S. D. *Punishment, Discipline and Power. The Social Meanings of Violence in Early Modern England // Journal of British Studies*. 1995. № 34. P. 1–34, здесь P. 16.

43. См.: StAZH. A.27.42, Hans Altorfer, 3.5.1591; StAZH. A.27.48, Alban Sultzer, X.2.1599; StAZH. A.27.57, Hans Buri, 19.5.1612.

Так, сексуализированное насилие для Цюриха эпохи раннего Нового времени едва ли может быть локализовано в социальной структуре общества на основе «отчетов разведчиков», так что неравенство в парах «истец — ответчик» нельзя описать подробнее⁴⁴.

В редких случаях следует исходить из того, что слуги нападали на детей своего господина, как описано в одном из дел в Цюрихе⁴⁵. Также нельзя однозначно исключать, что дочери работодателей могли сами домогаться до прислуги, как это показано в одном из актов⁴⁶. Но, насколько мне известно, подобные случаи пока не были подробно изучены и не особо бросались в глаза исследователям. Они столь редки, что должны оцениваться как исключительное явление. Однако такие исключения наглядно показывают, что сексуализированное насилие вполне может изменить соотношение сил, присущих разным социальным статусам.

Для рассмотрения следующего аспекта нам стоит обратить внимание на два выдающихся дела: в первом случае сестры буквально подтолкнули свою младшую сестру к «изнасилованию»⁴⁷, во втором же хозяйка под каким-то предлогом заманила горничную с хорошей репутацией, служившую ее соседке, в свой трактир, чтобы ее постоялец мог изнасиловать девушку⁴⁸. Если случаи «изнасилований» и «домогательств» как характеристики социальных и семейных отношений, в которых один участник зависит от другого, были предметом изучения, то (насколько мне известно) случаи, когда женщин или девушек, так же, как и мужчин или юношей, подвергали изнасилованию с целью получения денежного вознаграждения, до сих пор не были отдельно исследованы ни с эмпирической, ни с концептуальной точек зрения. Здесь было бы хорошо вывести исследование за пределы истории сексуальных правонарушений, а также истории проституции и сводничества⁴⁹. Следовало допросить не только пре-

44. С другой стороны, типичным для этих исследований является, например, вывод Дурстона о том, что насильники — это часто молодые мужчины из низших слоев населения. Они насиловали женщин, социальный статус которых был еще ниже, если только речь не шла об отношениях хозяина и служанки, что было довольно распространенным явлением.

45. См.: StAZH. A.27.106. Peter Wuest. 27.5.1674.

46. См.: StAZH. A.27.37. Adam Metler. 8.8.1582.

47. См.: StAZH. A.27.72. Anna Rollenbutz. 3.3.1634.

48. См.: StAZH. A.27.9. Caspar Schreiber, X.X.1539.

49. Однако ссылка на правовое регулирование сводничества на острове Фердинандея имеет место быть: Griesebner A., Mommertz M. *Fragile Liebschaften? Methodologische Anmerkungen zum Verhältnis zwischen historischer Kriminalitätsforschung und Geschlechtergeschichte // Kriminalitätsgeschichte. Beiträge zur Sozial- und Kulturgeschichte der Vormoderne / Andreas Blauert, Gerd Schwerhoff (Hg.). Konstanz, 2000. S. 228.*

ступника и жертву, а также свидетелей, но и задаться вопросом о «поставщиках» жертв сексуализированного насилия. **Насилие следует рассматривать не только как процесс, происходящий между тем, кто его совершает, и тем, кто страдает от него, но и как асимметрично структурированное пространство для действий, которое создается теми, кто находится на заднем плане. В проблеме насилия помимо преступников и жертв в качестве третьих действующих лиц добавляются те, кто подготавливает насилие.**

Чтобы принять решение, судьи в Цюрихе до 1835 года не имели под рукой кодифицированного уголовного кодекса и не обращались к юридическим экспертным заключениям. Введение Гельветического судебного права, основанного на кодексе Наполеона, осталось лишь эпизодом из истории Гельветической республики. Следовательно, судьи должны были использовать понятия обычного права о «прелюбодеянии» и «блуде». Каковы были представления о содержании этих понятий, показывают вопросы, которые задавались в суде. Всегда необходимо было уточнять, как произошел физический контакт и какие формы он принимал: получали ли женщина или ребенок подарок, достигли ли они половой зрелости и были ли «порядочными», вела ли себя женщина вызывающе, были ли обнажены какие-то части тел, был ли совершен половой акт, была ли эякуляция внутривагинальной или нет, — все эти вопросы находились в центре внимания и соответствовали современным критериям правовой оценки. В то же время они показывают, что правовое суждение основывалось на конкретных представлениях о неравенстве полов. **Женщины априори подозревались в том, что они проявляли заинтересованность и тем самым провоцировали нападение. Мужчины, наоборот, рассматривались как существа, от природы легко поддающиеся соблазну, чья сексуальность проявляется исключительно при половых контактах.** Таким образом, так как женщины в принципе нуждались в доказательствах и подозревались в соучастии, акты сексуального насилия считались чем-то простительным. Подозреваемые часто утверждали, что они лишь отреагировали на действия женщин и не совершили серьезного сексуального преступления, поскольку коитус не был совершен.

Подобно всем судьям раннего Нового времени, цюрихские судьи Старого режима настаивали на признании обвиняемым своей вины. В 20 из 45 случаев «изнасилований» или «домогательств» «разведчики» фиксировали поведение подозреваемых, и почти все из них пытались поначалу опровергнуть обвинения. Они либо отрицали их, либо утверждали, что не могут ничего вспомнить, поскольку были пьяны, однако при последующих допросах признавались

в содеянном. Двенадцать человек признали свою вину полностью⁵⁰, трое — лишь частично⁵¹. Поскольку лишь двое обвиняемых в «изнасиловании» (или попытке совершить его) или «домогательствах» были оправданы⁵², и четверо отрицали содеянное даже после того, как их били⁵³, можно предположить, что остальные дали признательные показания. В противном случае судьи не могли бы вынести приговор в соответствии с законами раннего Нового времени. Доходящие до суда случаи, по всей видимости, были делами, обстоятельства которых были достаточно прояснены, и потому они имели все шансы на осуждение подозреваемого. Можно сформулировать и по-другому: в этих делах обвиняемые с трудом могли доказать свою невиновность, и потому неравенство жертвы и преступника перед судом частично сглаживалось.

Этому выводу также соответствует тот факт, что лишь трое подозреваемых в нашей выборке осмелились защищаться при помощи ответного нападения: Албан Сульцер в 1599 году оспаривал обвинение в «изнасиловании» семнадцатилетней служанки. Наоборот, она была согласна на половой акт, не сопротивлялась, не кричала и не жаловалась на боль. Следовательно, она не была девственницей. Более того, она распевала постыдные песни. То есть, стратегия Сульцера заключалась в том, что он последовательно ставил под сомнение репутацию своей служанки. В определенной степени это ему удалось, и он был осужден не за «прелюбодеяние», а за супружескую измену⁵⁴. Гансу Якобу Шмидту в 1631 году удалось доказать, что

50. См.: StAZH. A.27.94. Marx Weber. 4.3.1594. Altes Hauptarchiv. 1594; StAZH. A.27.45. Joachim Wyßmüller. 18.11.1596. Altes Hauptarchiv. 1596; StAZH. B.VI.265, fol. 4. Heinrich Lee. 31.1.1607. Altes Hauptarchiv. 1607; StAZH. B.VI.266. fol. 109. Uoli Spillmann. 20.8.1607. Altes Hauptarchiv. 1607; StAZH. A.27.56. Jacob Kun. 17.10.1610. Altes Hauptarchiv. 1610; StAZH. B.VI.,266, fol. 301. Hans Blickenstorffer. 28.4.1611. Altes Hauptarchiv. 1611; StAZH. A.27.57. Hans Buri. 19.5.1612. Altes Hauptarchiv. 1612; StAZH. B.VI.267, fol. 4. Hans Rosenstill. 21.6.1620. Altes Hauptarchiv. 1620; StAZH. A.27.76. Steffann Tanner. 3.2.1638. Altes Hauptarchiv. 1620; StAZH. A.27.90. Caspar Ritzmann. 28.3.1651. Altes Hauptarchiv. 1651; StAZH. A.27.115. Heinrich Buechi. 20.8.1689. Altes Hauptarchiv. 1689; StAZH. A.27.135. Jacobi Baumann. 20.5.1723. Altes Hauptarchiv. 1723.

51. StAZH. A.27.42. Hans Altorfer. 3.5.1591. Altes Hauptarchiv. 1591; StAZH. A.27.65. Hans Hiss. 4.6.1623. Altes Hauptarchiv. 1623; StAZH. A.27.141. Diakon Lindinger. X.X.1730. Altes Hauptarchiv. 1730.

52. См.: StAZH. A.27.9. Hans Morgenstern X.X.1539; StAZH. A.27.9. Hans Morgenstern X.X.1539. Altes Hauptarchiv. 1539; StAZH. A.27.9. Jacob Küng. X.X.1540; StAZH. A.27.9. Jacob Küng. X.X.1540. Altes Hauptarchiv. 1540.

53. См.: StAZH. B.VI.258, fol. 230 f. Hans Boller 8.11.1559. Altes Hauptarchiv. 1559; StAZH. A.27.60. Peter Hußer. 27.11.1615. Altes Hauptarchiv. 1615; StAZH. A.27.70. Hans Jacob Schmid. 16.3.1631. Altes Hauptarchiv. 1631; StAZH. A.27.120. Anton Tschudi. 20.4.1697. Altes Hauptarchiv. 1697.

54. См.: StAZH. A.27.48. Alban Sultzer. X.2.1590.

его супруга, с которой он судился, уговорила их дочь обвинить отца в «домогательстве». В результате Шмидт получил оправдательный приговор, который выносился в то время крайне редко. Каспар Ритцманн в 1651 году отрицал обвинение в «изнасиловании» пятнадцатилетней девушки-инвалида Маргарет Ритцин, утверждая, что это ложь. При дальнейших допросах на него, должно быть, оказывалось давление, в результате чего он частично признал свою вину. И хотя присяжная акушерка, проводившая медицинский осмотр Ритцин, не нашла ничего подозрительного и пришла к выводу, что «изнасилование было несколько не вероятно», Ритцманн был оштрафован на 100 фунтов, а также должен был выплатить 200 фунтов в качестве компенсации⁵⁵. В отличие от других регионов, в суде Цюриха старались не позволять зарегистрированным делам затеряться, и продолжать их рассмотрение на основаниях общего права⁵⁶. Отчетливо видно желание судебных органов последовательно рассматривать зарегистрированные сексуальные преступления наравне с другими преступлениями.

Такое изображение суда, серьезно относящегося к сексуализированному насилию и не пытающегося его скрыть, подтверждает суждения, которых придерживались цюрихские судьи Старого режима касательно системы наказания: при «изнасиловании» / попытке «изнасилования» пять виновных получили телесное наказание, восемь — позорящее наказание, десять — денежный штраф. Четверо обвиняемых были высланы из страны, еще четверо (это были особенно тяжелые случаи с многократными преступлениями⁵⁷) приговорены к смерти. Решения по трем делам отсутствуют. В случаях «домогательств» позорящее наказание (четыре раза) оказывается популярнее, чем штраф (один раз), но в двух случаях неизвестно, насколько велик был штраф. Из в общей сложности 45 дел об «изнасилованиях» и «домогательствах» только один обвиняемый был помилован, и еще с двоих сняли обвинения ввиду отсутствия дока-

55. См.: StAZH. A.27.90. Caspar Ritzmann. 28.3.1651. Altes Hauptarchiv. 1651; StAZH. Schreiben Hebamme. 8.4.1651. Altes Hauptarchiv. 1651; StAZH. Dorsalnotiz Urteil Ritzmann. 7.4.1651. Altes Hauptarchiv. 1651.

56. По оценкам Дурстона, в Лондоне в XVIII веке максимум 15% заявлений об изнасиловании признавались магистратами, мировыми судьями и судами низшей инстанции и, соответственно, передавались в высший суд (суд присяжных) для вынесения решения. См.: Durston G. Rape in the Eighteenth-Century Metropolis, Part 1 // *British Journal for Eighteenth-Century Studies*. 2005. № 28. P. 176–177.

57. StAZH. B.VI.264, fol. 386–387. Joachim Wyßmüller. 18.11.1596. Altes Hauptarchiv. 1596; StAZH. A.27.65. Hans Hiss. 4.6.1623. Altes Hauptarchiv. 1623; StAZH. B.VI.269, fol. 150–152. Hans Heinrich Zinegg. 11.8.1634. Altes Hauptarchiv. 1634; StAZH. B.VI.269, fol. 456–458. Steffan Tanner. 3.2.1638. Altes Hauptarchiv. 1638.

зательств. Ни один из мужчин, «изнасиловавших» женщину, забеременевшую в результате полового акта, не был освобожден из-под ареста, и срок наказания также не был сокращен. Современный для рассматриваемого периода медицинский дискурс о беременности, который предполагал согласие женщины на половой акт, не играл в судопроизводстве Цюриха никакой роли. Здесь также стоит отметить: как бы ни были неравны части пары «преступник — жертва», предстающие перед судом, у обвиняемого было мало шансов уйти от ответственности, как только дело передавалось в суд.

Система наказаний, принятая цюрихскими судьями, дает дополнительную информацию для понимания логики, которой они руководствовались при определении справедливого приговора. Если обвиняемого объявляли бесчестным и безоружным, для него закрывались двери таверн и вход на общественные мероприятия, он терял активные гражданские права, из-за чего подвергался общественному порицанию подобно тому, как подвергались ему прелюбодеи и богохульники. Если телесные наказания применялись относительно редко, то это говорит о том, что обвиняемые были представителями социальных классов, которые могли этого избежать благодаря своей платежеспособности (в основном от телесных наказаний страдали бедняки). То есть, в случаях сексуализированного насилия (как и в других видах преступлений) суд выносил приговор в соответствии с социальным статусом. Поскольку те девять случаев, в которых известен размер штрафа, могут быть оценены, то можно говорить о том, что система наказаний также следует принципу относительности наказания⁵⁸. Равенство не заключалось в том, что за одинаковые проступки назначались равные штрафы. Напротив, суд нормировал размер штрафа в зависимости от тяжести проступка и платежеспособности обвиняемого и с учетом того, какова должна быть компенсация для жертв (попыток) «изнасилования» или «домогательств». Чем богаче был подозреваемый, тем больше назначался штраф и размер компенсации. Помимо судебных издержек, обвиняемый также должен был покрыть медицинские расходы и выплатить денежную компенсацию, размер которой был от 25 до 200 фунтов стерлингов. Также могло быть назначено денежное взыскание в размере пример-

58. См.: StAZH. A.27.8. Hans von Wyl. ca. 1536–1538. *Altes Hauptarchiv. 1536–1538*; StAZH. A.27.42. Hanns Altorfer. 3.5.1591. *Altes Hauptarchiv. 1591*; StAZH. A.27.44. Marx Weber. 4.3.1594. *Altes Hauptarchiv. 1594*; StAZH. A.27.56. Jacob Kun 17.10.1610. *Altes Hauptarchiv. 1610*; StAZH. A.27.60. Peter Hußer. 27.11.1615. *Altes Hauptarchiv. 1615*; StAZH. A.27.90. Caspar Ritzmann. 28.3.1651. *Altes Hauptarchiv. 1615*; StAZH. A.27.908. Heinrich Huber. 10.8.1661. *Altes Hauptarchiv. 1661*; StAZH. B.VI.265, fol. 4. Heinrich Lee 31.1.1607. *Altes Hauptarchiv. 1607*; StAZH. B.VI.266, fol.109. Uoli Spillmann 20.8.1607. *Altes Hauptarchiv. 1607*.

но четверти от суммы компенсации, поэтому размер штрафа часто достигал 250 фунтов. Так как размеры штрафов сильно колеблются, невозможно установить наверняка, были ли штрафы за преступления над детьми особенно высокими, хотя некоторые взыскания указывают на этот факт. В сравнении с прелюбодеянием, за которое обычно штрафовали на 100–150 фунтов, за «домогательства» назначали меньшую сумму, а попытки «изнасилования» наказывались столь же большой суммой, к которой добавлялись компенсационные выплаты. Все это указывает на необходимость рассматривать уголовное преследование сексуализированного насилия не изолированно, а в общем спектре преступлений; что дает возможность сравнить их социальную оценку с другими правонарушениями.

То, что суд Цюриха установил штрафы за «прелюбодеяние», аналогичные наказанию за супружескую измену, а иногда и превышающие его, указывает на то, что было бы анахронизмом исторически понимать «изнасилование» лишь как нарушение неприкосновенности человека. Для Цюриха раннего Нового времени большое значение имел тот факт, что «изнасилование» и «домогательства» были формами проявления сексуальности вне брака. Это было не только сексуализированное насилие над человеком или колебание социальных устоев, но и нарушение божественного порядка. Это подтверждает и беглый взгляд на проблему «кровосмешения», которую мы не будем рассматривать подробнее: видимо, для назначения наказания за инцест не было важно, произошел ли половой акт по взаимному согласию. Очевидно, что для суда в центре внимания находилась не проблема насилия, а нелегитимные для религии сексуальные отношения партнеров, которые становились грешными посредством сексуального контакта.

Некоторые высказывания допрошенных указывают на важный аспект стыда, что многократно встречается в XVIII веке и в единичных случаях в XIX веке. Ответчики заявляли, и это зафиксировано в протоколах, что содеянное ими было «великим грехом»⁵⁹. Подозреваемые также рассказывали, как их жертвы пытались защититься, говоря, что не хотят, чтобы им самим тоже пришлось согрешить⁶⁰. Дети и их родители также объясняли «разведчикам» свое умалчивание о случившемся стыдом⁶¹. Представление о том, что при вынужденном сексуальном контакте жертва также совершает грех, соотносится с судебной инструкцией, согласно которой жертвы ин-

59. См., например: StAZH. A.27.108. Kleinhans Keller 10.7.1676. Altes Hauptarchiv. 1676.

60. См.: StAZH. A.27.115. Heinrich Buechi. 20.8.1689.

61. См., например: StAZH. A.27.90. Margaretha Ritzin. 8.4.1651. Altes Hauptarchiv. 1651.

цеста должны быть наказаны. Например, в случае Сюзанны Мейер, изнасилованной своим братом в 1637 году, суд постановил, что ее следует положить в больницу и что там «ученые часто должны посещать ее». Во время ее нравственного воспитания священнослужители должны были держать Мейер в страхе смертной казни, чтобы она осознала, какой «тяжкий грех» совершила. После «надлежащего осознания своих грехов» представители духовенства должны были отменить угрозу смертной казни; следовало смотреть, как действовать дальше⁶².

В поддержку божественного порядка высказывался в 1656 году и отец Якоба Амманна, настаивая на браке своего сына с Барбарой Унцигер, которую тот изнасиловал: Якоб должен заботиться о своей матери, братьях и сестрах, защищать себя и семью от дальнейшего позора и признать свой проступок как праведный христианин, а «потому что Бог велик, его не обмануть»⁶³. Получив согласие на брак от самой обесчещенной Унцигер, ее отца и отца обвиняемого, суд решил помиловать Якоба при условии, что он сочетается церковным браком с Унцигер в следующую субботу⁶⁴. Все причастные к делу стремились восстановить благочестивый порядок. Такое понимание греха подразумевало, что и преступник, и жертва были морально уравнены как грешники. Кажется, когда такой взгляд утрачивает свое значение для суда в течение XIX века, происходит современная категоризация сексуализированного насилия, отличная от раннего Нового времени и переходной эпохи. Они выходят за пределы религии, которая (в том числе в Женеве⁶⁵) в исследуемый нами период была тесно связана с сексуализированными преступлениями и которая устанавливала моральные эквиваленты или, по меньшей мере, сходства, чуждые нам сегодня.

Также было бы потенциальным анахронизмом прочитывать — соответственно современному взгляду — приговоры раннего Нового времени исключительно как наказания преступников. Осужденные были обязаны оплатить медицинские расходы пострадавших. Согласно решению суда, компенсационная выплата была предусмотрена как приданое девушкам и женщинам; это должно было покрыть неудобства, с которыми жертвам, как не-девственницам, приходи-

62. См.: StAZH. A.27.75. Dorsalnotiz Urteil Susanna Meyer. 12.1.1637.

63. См.: StAZH. A.27.94, undat. Brief, Vater Jacob Ammann.

64. См.: StAZH. A.27.94, Barbara Unziger, 4.6.1656.

65. О сексуализированном насилии над детьми см.: Porret M. *Le crime et ses circonstances. De l'esprit de l'arbitraire au siècle des Lumières selon les réquisitoires des procureurs généraux de Genève*. Genf, 1995.

лось мириться на брачном рынке. Совет суда мог прямо, как было сделано в 1535 году, распорядиться «о выдаче потерпевшей письма и печати, свидетельствующих о том, что она защищалась, и [что осужденный] не причинил ей вреда»⁶⁶, чтобы подтвердить, что потерпевшая не была обещана, и потому она полностью пригодна для брака. Таким образом суд стремился снизить риск обнищания жертвы и тем самым минимизировать финансовые издержки на государственное обеспечение наиболее бедных слоев населения. В Цюрихе эпохи раннего Нового времени судебные решения были направлены не только на наказание за недопустимые проступки, но и на превентивную социальную политику. Не только потерпевшие должны были добиться справедливости посредством денежной компенсации от обвиняемого, но и общество.

«Разведчики» не проявляют никакого интереса к психологическим аспектам сексуализированного насилия, свидетельства эмоциональных переживаний невероятно редки. Например, в записке судебного пристава фон Эглисау, адресованной Совету в 1651 году, написано, что «изнасилованная» девушка (ее имя неизвестно) «из-за причиненного физического вреда была вынуждена оставаться в постели в течение 17 дней»⁶⁷. Когда во время слушания дела девушке было предъявлено медицинское заключение акушерки, согласно которому следы насилия не были обнаружены, она дала показания, что Гаспар Ритцманн ее изнасиловал:

«Таким образом, в тот момент у нее не было времени, которое можно было бы назвать хорошим, и она не могла ни стоять, ни ходить. [С тех пор, как она упала с вишневого дерева и получила травмы], но это было не так безнадежно, как сейчас, когда ее тошнит ежедневно»⁶⁸.

У современного человека возникает подозрение, что ежедневная рвота — это психосоматическая реакция на травматический опыт насилия, пережитый девушкой. Однако в раннее Новое время закон пытался оценить исключительно физические повреждения, и потому спрашивали у матери, осматривала ли она девочку, и какие травмы она нашла⁶⁹.

66. См.: StAZH. A.27.7. Peter Riedwißer u. Anders Rytze. X.X.1535.

67. См.: StAZH. A.27.90. Schreiben Landvogt von Eglisau. 28.3.1651.

68. См.: StAZH. A.27.90. Namentlich unbekanntes Opfer. 8.4.1651.

69. См.: StAZH. A.27.90. Mutter. 8.4.1651.

Свидетели также — как замечают «разведчики», — не проявляли эмоционального сочувствия жертве. Как свидетельствовал Ганс Хэгелер в 1657 году, он услышал крики Барбары Унцигер и нашел ее плачущей на обочине дороги. Когда он спросил, что произошло, она рассказала, что Якоб Амманн ее «изнасиловал». Затем Хэгелер отправил ее домой, приговаривая, что «она [Унцигер] не должна больше плакать, и что ей стоит идти домой во имя Бога»⁷⁰. В связи с этой реакцией возникает вопрос, действительно ли психологический аспект не был важен для Цюрихского суда и потому не нашел отражения в судебных актах, или в прошлом эмоции выражались и воспринимались отлично от современных ожиданий. Этот вопрос приводит нас к сложной и еще недостаточно изученной истории эмоций⁷¹. В случае суда Цюриха можно лишь констатировать — и это, очевидно, относится и к другим судам того времени⁷², — что психологические травмы не учитывались при назначении наказания, и потому о них никто не спрашивал. Таким образом, физические повреждения и психологические травмы имеют равный вес лишь в современном представлении.

По опросам пострадавших детей заметно, что суд не делал различий между допросами взрослых и детей⁷³. Всегда пытались выяснить, где и как именно все происходило, и настаивали на детализированном рассказе о физических взаимодействиях⁷⁴. Дети знали, как отвечать на эти вопросы. Даже если они не могли подобрать слов (что случалось регулярно) для описания половых органов или по-

70. См.: StAZH. A.27.94. Hans Hägeler. 29.5.1657.

71. О том, как эмоции могут изучаться в методологической и исторической перспективе см.: Schützeichel R. *Emotionen und Sozialtheorie. Disziplinäre Ansätze*. Frankfurt, 2006. S. 29–47; Przyrembel A. *Sehnsucht nach Gefühlen. Zur Konjunktur der Emotionen in der Geschichtswissenschaft // L'Homme*. 2005. № 16. S. 116–124; Kasten I. *Kulturen der Gefühle in Mittelalter und Früher Neuzeit // Querelles. Jahrbuch für Frauenforschung*. 2002. № 7; Reddy W.M. *The Navigation of Feeling. A Framework for the History of Emotions*. Cambridge, 2001.

72. Суды других регионов также не рассматривают вопрос о психологической мотивации преступников и психологических последствиях для жертв при предъявлении обвинения. См.: Haack J. *Der vergällte Alltag. Zur Streitkultur im 18. Jahrhundert*. Köln, 2008. S. 156. В Голландии наказание преступников основывалось не на психологических или физических травмах изнасилованных женщин, а на их семейном положении. См.: Heijden M. v.d. *Women as Victims of Sexual and Domestic Violence in Seventeenth-Century Holland. Criminal Cases of Rape, Incest, Maltreatment in Rotterdam and Delft // Journal of Social History*. 2000. № 33. S. 624–644.

73. В Лондоне только показания, данные под присягой, считались юридически значимыми. Минимальный возраст для принятия присяги обычно составлял двенадцать лет. Durston G. *Rape in the Eighteenth-Century Metropolis. Part 2. // British Journal for Eighteenth-Century Studies*. 2006. № 29. P. 15–31, здесь P. 17–18.

74. См., например: StAZH. A.27.60. Elsbetha Ferner. 23.11.1615.

ловых актов, они жеста́ми или перефразированными описаниями точно указывали на то, что происходило с их телом. Таким образом, они не теряли способность говорить⁷⁵. Но в этих случаях суд также спрашивал только о физической боли — о внутреннем мире нет никакой информации. Эмоциональные реакции описывались только социальным окружением. В своем письме суду пастор Давид Визендангер описывал, что Маргарет Хотц после «изнасилования» 14 дней «была в глубокой меланхолии, воображая, что дьявол заберет ее»⁷⁶. Свидетели сообщали, что нашли женщин, плачущих и пребывающих в состоянии шока, с растрепанными волосами, на обочине дороги⁷⁷. Однако сравнение приговоров показывает, что информация такого рода не имела никакого веса при принятии решения судьями. Кажется, что редкие указания на эмоциональное состояние жертвы приводятся скорее для того, чтобы подчеркнуть ее невиновность. Тот, кто плачет из-за сексуального нападения и теряет внутреннее равновесие, чист душой, и потому не мог спровоцировать преступника на сексуальные действия и не мог получить никакого удовольствия от полового контакта. Это, видимо, должно было быть аргументом в пользу написания «психологического портрета» жертвы⁷⁸. Из этого эмпирического наблюдения следует гипотеза, что **психологические моменты в дофрейдистские эпохи, безусловно, отмечались и передавались; но это делалось в условиях, отличных от тех, что мы ожидаем сегодня**. И эту разницу нельзя проигнорировать, так как исследование сексуализированного насилия в прошлом вносит вклад в историю эмоций и исторические исследования травмы. Даже если реакции на травму «одинаковые» с точки зрения антропологии — или, что лучше, сопоставимы друг с другом, — методы работы с ними меняются с течением времени, и потому они «неодинаковы».

Какие возможности были у истца и ответчика в суде? Суд всегда старался выяснить, препятствовала ли женщина случившемуся и звала ли на помощь, была ли только порвана одежда и растрепаны волосы и были ли физические повреждения. Таким образом закре-

75. Подробные записи допросов детей по делу Линдингера в 1730 г. см. StAZH. A.27.141. Другая критика психоаналитических интерпретаций заключается в том, что травмированные жертвы не знали, как еще выразиться в суде. Walker G. *Rereading Rape and Sexual Violence in Early Modern England // Gender and History*. 1998. № 10. P. 1–25.

76. См.: StAZH. A.27.120. Schreiben Wiesendanger. 9.4.1697.

77. См., например: StAZH. A.27.65. Fridli Rhatt. undat. [1623].

78. Внимание на слезы обращали также в судах над ведьмами, однако в этих случаях они интерпретировались как улика, подтверждающая вину. История слез в суде — и, в том числе, слез от смеха, — составила бы значительный вклад в историю эмоций.

плялось неравенство пары «жертва — преступник» перед судом. Согласно правовым концепциям раннего Нового времени, пострадавшая сторона в отчетах разведчиков должна была не только убедить всех в том, что подозреваемый виновен, но и доказать собственную невиновность⁷⁹. Поэтому обращение в суд с делами о сексуализированном насилии было связано с риском быть отвергнутым из-за неубедительности и таким образом пострадать от потери чести. Это также могло быть причиной того, почему в «отчетах разведчиков» зафиксировано так мало подобных случаев.

Реакция некоторых родителей на дело школьного учителя Ридера показывает, насколько тяжелым могло быть судебное разбирательство, особенно для детей. По инициативе помощника судебного пристава Аппенцеллера в 1710 году Ридер был передан в суд из-за «слишком трепетного отношения» к мальчикам-школьникам. Аппенцеллер узнал, что учитель делал нечто непозволительное по отношению к своему племяннику. Аппенцеллер, как следует из его письма в Совет, проследил за этим вопросом и поручил своему слуге расспросить племянника об этом. После того, как мальчик подтвердил свои обвинения, Аппенцеллер попросил судебного рассыльного Грэфа провести дополнительное расследование. От Грэфа он узнал, что отец «избил своего сына год назад, когда он рассказал ему об этом деле». Тем временем, — продолжал Аппенцеллер, — в ходе расследований выяснилось, что еще 14 юношей страдали от «домогательств» учителя, но «боимся, что есть еще те, которым родители запретили рассказывать что-либо»⁸⁰. Что мешало родителям пожаловаться? Риск обвинить учителя, авторитетного человека, или стыд от того, что их сыновья подверглись сексуальному насилию? То, что на этот вопрос невозможно ответить, говорит о том, что жертвам «домогательств» было гораздо труднее обратиться в суд, чем пострадавшим от других преступлений.

В Цюрихе раннего Нового времени потерпевшие необязательно выступали в суде в качестве жертв сексуализированного насилия, чьи показания были заведомо неубедительны. Напротив, как взрослые, так и дети, были достаточно уверены в себе. В ходе очных ставок с насильниками никто не отказывался от своих обвинений. Иногда «разведчики» даже отмечали, что жертвы напрямую обращались к своими мучителям. Так, например, в 1612 году двенадцатилетняя служанка Барбели Саллер во время очной ставки обратилась к сво-

79. Типичный пример: StAZH. A.27.9. Anneli Wipf. X.X.1539; StAZH. A.27.9. Anneli Wipf. X.X.1539. *Altes Hauptarchiv*. 1539.

80. См.: StAZH. A.27.127. *Untervogt Appenzeller*. 7.1.1710.

ему хозяину, который предстал перед судом за ее «изнасилование» и отрицал обвинения, говоря, что это выдумка девушки: «Я всегда называла тебя отцом, а ты все-таки так поступил со мной. <...> Как я могла бы такое придумать, если бы ты действительно не сделал это со мной? Кто мог бы рассказать мне об этом?»⁸¹. Мы не знаем, каким тоном, с использованием какого языка тела и даже в каких конкретно выражениях Барбели обратилась к своему хозяину⁸², но здесь однозначно нет беспомощной жертвы, которая потеряла возможность говорить из-за неравенства иерархических отношений между ней и взрослыми; жертва напрямую обвиняет причинившего ей вред. Неравенство пары «преступник – жертва» в суде не обязательно должно означать бессилие пострадавшей или пострадавшего.

Последние исследования в области уголовного правосудия подчеркивают, что судебная практика основана на переговорах⁸³. Однако в цюрихских «отчетах разведчиков» о сексуализированном насилии почти нет следов таких переговоров в ходе судебного следствия (переговоры за пределами суда не могут быть оценены ввиду того, что они не всегда фиксировались в документах). Ходатайства о «дружбе» в пользу обвиняемых были большой редкостью. В отличие от других правонарушений, лишь в шести случаях наказание было смягчено, большинство решений касалось сокращения срока позорящего наказания и не относилось к денежным штрафам⁸⁴. Также поразизи-

81. См.: StAZH. A.27.57. *Barbeli Saller. X.X.1612.*

82. К значимости этого элемента с точки зрения лингвистики см.: Krämer S. *Sprache, Stimme, Schrift. Sieben Thesen über Performativität als Medialität // Paragrana. 1998. № 7. S. 33–57.*

83. См. общую дискуссию о прошениях в тематическом выпуске: Nubola C., Würgler A. *Suppliche e “gravamina”. Politica, amministrazione, giustizia in Europa (secoli XV–VXIII) // Annali dell’Istituto storico italo-germanico in Trento. Quaderni. 2002. № 59. Также об интерпретации тюрьмы как «арены для переговоров» см.: Bretschneider F. *Gefangene Gesellschaft. Eine Geschichte der Einsperrung in Sachsen im 18. und 19. Jahrhundert. Konstanz, 2008. О специфике суда как месте общественной дискуссии о сексуализированном насилии см.: Töngi C. Um Leib und Leben. Gewalt, Konflikt, Geschlecht im Uri des 19. Jahrhunderts. Zürich, 2004. S. 19. Об общей проблеме переговоров см. статью Иоахима Айбахса в этом сборнике (см. прим. 14 – Прим. редактора.).**

84. В нашей выборке, составленной на основе отчетов разведчиков, лишь один обвиняемый был помилован (см. примечание на обороте StAZH. A.27.56. *Jacob Kun. 17.10.1610. Altes Hauptarchiv. 1610*). Остальные пять случаев помилования, которые были оценены лишь в составе случайной выборки, зафиксированы в книге советов и судей (StAZH. B.VI.258. fol. 230–231r. *Hans Boller. 8.11.1559. Altes Hauptarchiv. 1559; StAZH. B.VI.265. fol. 4v. Heinrich Lee. 31.1.1607. Altes Hauptarchiv. 1607; StAZH. B.VI.266. fol. 109. Uoli Spilmann. 20.8.1607. Altes Hauptarchiv. 1607; StAZH. B.VI.266, fol. 301. Hans Blickenstorffer. 28.4.1611. Altes Hauptarchiv. 1607; StAZH. B.VI.267, fol. 4. Hans Rosenstil. 21.6.1620. Altes Hauptarchiv. 1620*). О мужчинах, которые попали в книгу советов и судей, в отчетах разведчиков нет никаких сведений, хотя некоторые решения из тех, что записали разведчики, занесены в книги советов и судов. Причина этого несоответствия не выяснена.

тельно, что сами обвиняемые — опять же, в отличие от других преступлений — предпринимают лишь слабые попытки апеллировать к смягчающим обстоятельствам. Подсудимые редко приводят стандартный аргумент, согласно которому они в момент преступления были не совсем вменяемы, и оправдывают свои поступки юношеской распушенностью или алкогольным опьянением; игнорируются обычно и другие популярные доводы. Они не ссылаются на свою хорошую репутацию, ответственность за обеспечение семьи или близость важных христианских праздников, чтобы убедить суд проявить снисхождение и милосердие⁸⁵. Ни один из подсудимых также не утверждал, что он был спровоцирован жертвой. Это может быть объяснено тем, что обвиняемые должны были знать, что подобные доводы не убедят суд. Очевидно, о переговорах с представителями суда о наказании в случаях сексуализированного насилия не могло быть и речи.

V. Неравноправные пары в суде, или проблема историзации сексуализированного насилия: цюрихские судебные протоколы 1798–1850 годов

Какую картину рисуют протоколы судебных заседаний XIX века в сравнении с «отчетами разведчиков» Старого режима? Прежде всего в глаза бросается то, что выводы будут сделаны на гораздо более широкой выборке (Табл. 2).

Налицо большая разница в общем количестве случаев, зафиксированном «разведчиками» в своих записях на протяжении примерно 260 лет, и тем, что можно найти в более поздних протоколах судебных заседаний за период около 50 лет. Возникает очевидный вопрос: как мы можем объяснить столь большую разницу? Однако о причинах можно лишь догадываться: изменился ли порог терпимости и стыда по отношению к сексуальным преступлениям, и потому число дел возросло? Привели ли изменения в судебной системе к увеличению обращений по таким делам или прокуроры, которые преимущественно выступали в качестве обвинителя, начали лучше ориентироваться в таких преступлениях и стали более юридически подготовленными? Действительно ли количество сексуальных преступлений возросло пропорционально численности населения? В источниках нельзя найти ответы на эти вопросы.

85. Эти аргументы были широко распространены в делах об оскорблении действием или словом, а также в делах о богохульстве. См.: Loetz F. Mit Gott handeln. Von den Zürcher Gotteslästerern der Frühen Neuzeit zu einer Kulturgeschichte des Religiösen. Göttingen, 2002. S. 96–108.

Общее количество случаев сексуализированного насилия	194		
Общее количество «изнасилований»	83		
Случаи, в которых жертва — женщина		62	
Случаи, в которых жертва — ребенок		21	
В том числе «изнасилования» при инцесте			3
В том числе «изнасилование» двумя и более людьми			4
В том числе «надругательство»			7
Общее количество попыток «изнасилования»	68		
Случаи, в которых жертва — женщина		56	
Случаи, в которых жертва — ребенок		12	
В том числе попытки «изнасилования» при инцесте			2
В том числе попытки «осквернения»			2
Общее количество дел о «домогательствах»	12		
Случаи, в которых жертва — взрослый человек		1	
Случаи, в которых жертва — ребенок		11	
В том числе «домогательства» при инцесте			0
«Сладострастие»	30		
Другое	1		

Табл. 2. Сексуализированное насилие. Протоколы судебных заседаний, 1798–1850 гг.⁸⁶

86. Здесь учтены как первая, так и апелляционная инстанции, которые были ответственны за оценку сексуального насилия под разными названиями в указанный период. См. это в архивных делах с маркировками «У» и «УУ».

Сравнение количественных данных из судебных протоколов с данными, полученными из «отчетов разведчиков», открывает возможность взглянуть на структуру сексуализированного насилия в долгосрочной перспективе. Так, и в период с 1800 по 1850 годы значительную часть жертв сексуализированного насилия составляли «изнасилованные» дети — примерно четверть от общего количества. В основном они становились жертвами сексуальных «домогательств»⁸⁷. Преступники происходили из разных социальных слоев, среди них были и женатые, и одинокие, и молодые, и старые; классифицировать их ни по возрасту, ни по социальному положению не представляется возможным. Суд мало интересовало, были ли знакомы жертва и преступник, поэтому эту информацию можно найти лишь в 38 протоколах. Примерно в трети случаев пострадавший и обвиняемый не знали друг друга; оставшиеся же две трети показывают, что участники случившегося были знакомы, так что в большинстве случаев жертвами сексуального насилия становились дети и женщины из окружения преступника. Здесь имеют место типичные отношения зависимости между хозяином и служанкой, а также между членами семьи. Среди 38 дел о «прелюбодеянии» есть двенадцать случаев инцеста и два случая изнасилования служанок своими хозяевами. Групповые изнасилования остаются единичными случаями. Новым оказывается разграничение понятий «прелюбодеяние» и «надругательство» как нападение на невменяемых, которые признаются особенно уязвимой частью населения. Криминализация гомосексуальных отношений по-прежнему существует в XIX веке, они расцениваются как «сладострастие»; определить, насколько случаи сексуализированного насилия подпадают под эти отношения, также оказывается методологической проблемой⁸⁸. Как показывает сравнение структуры преступлений, совершенных в Цюрихе за пример-

87. Северин Обрэ, изучавшая эту тему на материале Женевы XIX века, столкнулась с сексуализированным насилием над детьми только в двух случаях из 71 случаев насилия над детьми. S. Auray. *Les violences sur enfants. Une contribution à l'histoire de la famille genevoise et de la criminalisation des maltraitances au 19e siècle* // *Kriminalisieren, Entkriminalisieren, Normalisieren — Criminaliser, décriminaliser, normaliser* / Claudia Opitz u.a. (Hg.). Zürich, 2006. P. 147–162. В Невшателе Филипп Генри выявил 12 случаев сексуализированного насилия в течение XVIII века. Henry P. *Crime, Justice et Société dans la Principauté de Neuchâtel. Neuchâtel, 1984. S. 592–594. По сравнению с подобными данными по делам во франкоязычной Швейцарии, в Цюрихе о сексуализированном насилии сообщали и, соответственно, преследовали в судебном порядке чаще.*

88. О гомосексуализме в Цюрихе см.: Lau T. *Sodom an der Limmat. Strafverfolgung und gleichgeschlechtliche Sexualität in Zürich zwischen 1500 und 1900* // *Schweizerische Zeitschrift für Geschichte. 2006. № 56. S. 273–294.*

но 320 лет, существование и фиксирование сексуального насилия остаются неизменными в течение длительного периода времени.

Кроме того, континуальность прослеживается в подходе судей и принимаемых ими решениях. Представители закона крайне редко спрашивали обвиняемых об их мотивах. Единичные ответы подчиняются аргументации, которая следует за образцами раннего Нового времени — подсудимые преимущественно обосновывали совершенное тем, что они хотели наконец узнать, что такое сексуальность⁸⁹. Другие мужчины объясняли свой поступок давней смертью жены или тем, что супруга по разным причинам отказывала им в сексуальном контакте, потому что получили желаемое с другой женщиной. Так, например, 54-летний Гаспар Гройтер, обвиняемый в инцестуальных отношениях и изнасилованиях своей 29-летней дочери — дело категоризировано как «прелюбодеяние» — в результате которых та дважды была беременна, в 1832 году объяснял содеянное тем, что они с женой не живут вместе, и суд по делам о браке несколько раз отказывал ему в разводе⁹⁰. Видимо, он полагал, что как мужчина, находящийся в трудном положении в браке, он имеет право жить половой жизнью с другой женщиной. Той же логики придерживался защитник 64-летнего Генриха Нуссбоймера, в 1832 году представшего перед судом за то, что на протяжении пятнадцати лет он находился в инцестуальных отношениях со своей 33-летней дочерью. В качестве смягчающего обстоятельства адвокат обращал внимание на то, что «его жена была больна уже много лет, и потому не исполняла «супружеских обязанностей»», а также на то, что «из-за бедности родители и дочь спали в одной комнате»⁹¹. Таким образом, судебные документы свидетельствуют о широко распространенных гендерных представлениях о том, на что имеет право мужчина, однако в них не зафиксировано, с какими эмоциональными переживаниями было связано сексуализированное насилие⁹². Тот факт, что мужчины, по сути, получили право на сексуальность, а психологические травмы женщин и детей, полученные вследствие сексуализированного насилия, ничего не значили для суда, также в переломное

89. См.: StAZH. YY.25.20. Heinrich Leemann. 2.9.1841: 480.

90. См.: StAZH. YY.25.2. Caspar Greuter. 7.7.1832: 943.

91. См.: StAZH. YY.10.25. Heinrich Nussbaumer. 9.2.1832: 152.

92. В Пруссии мужчины также оправдывали инцестуальные отношения тем, что жена была недоступна, поэтому в силу необходимости они прибегали к помощи (приемной) дочери: Jarzowski C. Eindeutig uneindeutig. Verhandlung über Inzest im 18. Jahrhundert // *Eming, Inzestdiskurse*. S. 161–183, hier S. 176. Те же гендерно-обусловленные идеи проявляются и в тезисе о том, что изнасилование объясняется сексуальной потребностью одиноких мужчин. Shorter E. On Writing the History of Rape // *Signs*. 1977. № 3. P. 471–482. Соответствующая библиография: Thornhill R., Palmer C.T. *A Natural History of Rape. Biological Basis of Sexual Coercion*. Cambridge MA, 2000.

время является не несправедливостью, а основой для справедливого судебного приговора.

В единичных случаях суд узнавал об эмоциональных реакциях допрашиваемых. Однако они интерпретировались не как психологические факторы, а как юридически значимые улики признания. Гаспар Херман в протоколе от 11 апреля 1811 года написал о Гаспаре Фере: «После длительного периода упорного отрицания, даже после очной ставки и пыток, подсудимый наконец добровольно признал предъявленные ему обвинения»⁹³. Тюремный надзиратель Саломон Арбенц рассказывал о подсудимом, что он после очной ставки со своей жертвой со слезами говорил о том, что долгое время отрицал содеянное из-за стыда, и поэтому лишь шаг за шагом признавал свое преступление⁹⁴. В качестве доказательства вины расценивались не только слезы обвиняемого, но и отсутствие эмоций. Когда в 1843 году Генриху Босхардту был вынесен приговор, суд утверждал, что против обвиняемого говорит «его совершенно непонятная холодность по отношению к обвинениям [в «изнасиловании» ребенка], которые он, вероятно, не мог принять с чистой совестью»⁹⁵. В основе обвинительных приговоров лежали не только доказанные факты, но и признание вины, которое могло быть прочитано в эмоциях. Эмоции, которые подсудимые проявляли в ходе судебного заседания, очевидно, имели большее значение при вынесении приговора, чем эмоции, которые сексуальное насилие вызвало у жертвы.

Только пятеро подозреваемых предпочли покинуть страну вместо того, чтобы предстать перед судом. Стало быть, побег не был альтернативой судебному разбирательству, так же как не были выходом для обвиняемых и попытки оправдаться тем, что они были пьяны и потому невменяемы. В отличие от других преступлений, например драки, в подобных случаях этот аргумент не принимался судом во внимание. В обвинениях против Генриха Нусбоймера в 1832 году заявлялось, что подозреваемый сам ответственен за состояние алкогольного опьянения, в котором он пребывал и, кроме того, он не был пьян настолько, чтобы потерять рассудок⁹⁶. Таким образом, обвиняемым стало сложнее уклоняться от ответственности, и истцы обращались в суд, когда исход дела был однозначен. Лишь незначительное меньшинство (14) отрицало все обвинения вплоть до конца судебного разбирательства. И лишь один

93. См.: StAZH. YY.106. Caspar Herrmann. 11.4.1811: 131–132.

94. См.: StAZH. Y.52.1. Caspar Fehr. 4.9.1845.

95. См.: StAZH. YY.25.23. 3.6.1843. Heinrich Boßhardt: 1197.

96. См.: StAZH. YY.25.2. Heinrich Nussbaumer. 7.7.1832: 943–944.

подсудимый осмелился выдвинуть ответное обвинение в клевете. Таков случай ямщика Адама Ойхслина, который в 1846 году обвинялся Эстер Сигрист в том, что «делал ей грязные намеки, заставившие ее покраснеть» в то время, когда она в одиночку путешествовала diligansom. В ходе разбирательства по делу о клевете девушка заявила, что Ойхслин «изнасиловал» ее. В итоге суд назначил ему штраф за двусмысленные заигрывания, которыми Ойхслин нарушил свой служебный долг ямщика, но обвинение в «прелюбодеянии» было отклонено⁹⁷. И наоборот, поразительно, что в выборке встречается только одно дело, в котором беременная незамужняя женщина утверждала, что забеременела в результате изнасилования, и суд отклонил это заявление как не заслуживающее доверия⁹⁸. Столь редкие встречные обвинения в клевете говорят о том, что в первой половине XIX века риск утратить доверие в случае проигрыша в суде — как это было в Лондоне⁹⁹, — также все еще был слишком высок, чтобы выдвигать необоснованные обвинения из мести, финансовой выгоды или других мотивов, например, чтобы оправдать внебрачную беременность¹⁰⁰. Неравенство пары «преступник — жертва» перед судом не могло быть использовано ни истцами, ни ответчиками.

В судебных протоколах первой половины XIX века описывается новая форма поведения, которая нигде не фиксировалась «разведчиками». Даже если это всего лишь два исключительных случая, тема открыта для интерпретации: в 1838 году Иоганн Форстер прямо обвинился перед жертвой в суде¹⁰¹, а Рудольф Шварценбах в 1841 году выразил в суде свое раскаяние¹⁰². Если бы такое поведение не было чем-то из ряда вон выходящим, то оно едва ли было бы зафиксировано в протоколах судебных заседаний. Несомненно, судебное разбирательство не ставило своей целью обсуждение преступления или

97. См.: StAZH. YY.25.30. Adam Oechslin. 29.8.1846: 360–367.

98. См.: StAZH. YY.6.1. Rittmeister Steiner. 14.8.1798: 123.

99. См.: Durston G. Rape in the Eighteenth-Century Metropolis, Part 2. // *British Journal for Eighteenth-Century Studies*. 2005. № 29. P. 15–31.

100. О возникновении образа мстительного и жадного до денег истца, необоснованно выдвигающего обвинение в изнасиловании см.: Simpson A.E. The “Blackmail Myth” and the Prosecution of Rape in 1st Attempt in 18th Century London. The Creation of a Legal Tradition // *The Journal of Criminal Law and Criminology*. 1986. № 77. P. 101–150. Для Франции раннего Нового времени, как считает Жан-Луи Фландрин, риск потери чести из-за ложного утверждения, что беременность наступила в результате изнасилования, был слишком высок, чтобы беременные женщины, не состоящие в законном браке, могли использовать это утверждение для себя. Flandrin J.-L. *Les amours paysannes, XVIe–XIXe siècle*. Paris, 1993. P. 287–289.

101. См.: StAZH. YY.25.14. Johannes Forster. 1.9.1838: 1037–1039.

102. См.: StAZH. YY.25.20. Rudolf Schwarzenbach. 20.12.1841: 1515–1524.

даже примирение сторон. Незначительную роль должна была играть ритуальность признания вины и с точки зрения религии. В то время как обвиняемые в «отчетах разведчиков» Старого режима неоднократно просят представителей власти о смягчении наказания, упоывая на милосердие Божье, в судебных протоколах первой половины XIX века фиксируется отказ от подобных религиозных излияний. Это говорит о наличии тесной связи между сексуализированным насилием и грехом для Старого режима, поскольку изнасилование и домогательство были серьезными нарушениями религиозных норм. На протяжении XIX века, напротив, обвинения в «прелюбодеянии» или «блуде» звучат уже не столь часто, но все больше появляется обвинений в нарушении «общественного порядка». В первой половине XIX века проблема общественного спокойствия и порядка, похоже, выходит на первый план по сравнению с религиозными соображениями. Категории преступлений остаются такими же, но их общественный вес меняется.

Спектр уголовных наказаний, известных суду Цюриха в XIX веке, иллюстрирует иную преобладающую по отношению к законам времен Старого режима.

Как и во время Старого режима, суд первой половины XIX века сочетает физические (удары розгами) и позорящие наказания (позорный столб, запрет на «увеселение»¹⁰³, лишение активных гражданских прав), денежные штрафы и высылку за пределы страны, причем применяется тонкая градация по составу и продолжительности наказания. Таким образом, можно говорить о сохранении норм общего права несмотря на то, что они были официально отменены с введением первого уголовного кодекса в 1835 году: «прелюбодеяние» было включено в понятие «блуда». «Тот, кто посягнет на незрелую душу девушки», тот будет виновен еще и в «блуде»¹⁰⁴. В то время, когда сексуализированное насилие над душевнобольными четко классифицируется как «надругательство» и «позор крови», вопрос о нападениях на детей специально не рассматривается. Кроме того, начинают различать разные виды попыток «изнасилования» по степени тяжести. Согласно закону, вынесение приговора основывается на правонарушениях, а не на личности преступника. Новым и типичным для XIX века являются длительные тюремные сроки, которые зависят от степени тяжести преступления¹⁰⁵. Однако сексу-

103. Запрет предусматривал, что осужденным не разрешалось посещать трактиры и принимать участие в празднествах.

104. § 130 *Officielle Sammlung der seit Annahme der Verfassung vom Jahre 1831 erlassenen Gesetze, Beschlüsse und Verordnungen des Eidgenössischen Standes Zuerich*, Bd. 4. Zürich, 1835. S. 91.

105. § 133, §135. *Bd. 4. Zürich*, 1835. P. 92-93.

Общее количество сексуализированных преступлений (исключая отмеченные как «Сладострастие» и «Другое»)	163	
Общее количество (попыток) «изнасилований»	151	
Общее количество уголовных наказаний за (попытки) «изнасилования»		212
В том числе физические наказания		20
Позорящие наказания		18
Общественные работы «в цепях» (физические и позорящие наказания)		10
Финансовые наказания (штрафы, компенсационные выплаты)		59
Каторжные работы ¹⁰⁶		40
Лишение активных гражданских прав		27
Высылка из страны		19
Смертная казнь		0
Принудительное заключение брака		0
Помилование		0
Оправдательный приговор		19
Были отпущены		46

Табл. 3. Наказания. Протоколы судебных заседаний, 1798–1850 гг.

106. В то время, как в России каторга включала в себя и ссылку, в городе-государстве Цюрих это было необязательно, и каторжные работы (*das Zuchthaus*) могли располагаться в городе, в котором жил заключенный. — Прим. переводчицы.

Общее количество дел о «домогательствах»	12	
Комбинация разных видов наказаний за «домогательства»		16
Физические наказания		2
Позорящие наказания		1
Денежные штрафы		3
Тюремное заключение / Каторжные работы		4
Лишение активных гражданских прав		1
Высылка из страны		2
Помилование		0
Оправдательные приговоры		0
Были отпущены		3

Окончание табл. 3. Наказания. Протоколы судебных заседаний, 1798–1850 гг.

альные нападения по-прежнему считаются посягательством на честь женщины; и как и раньше, после 1835 года закон не признает проблему психологических последствий для жертв. Это иллюстрирует заявление адвоката родителей десятилетней Анны Келлер, которая в 1835 году была изнасилована 52-летним Феликсом Гнемом: «ребенок [пострадал] от вне-физических недостатков, а именно от потери девственности, что могло оказать пагубное влияние в будущем при вступлении в брак»¹⁰⁷. Таким образом, уголовный кодекс способствовал правовым нововведениям, однако он четко придерживался принципов обычного права и продолжал лингвистически смешивать понятия «прелюбодеяние» и «домогательство». С этой стороны (на наш современный взгляд) юридическое неравенство в паре «преступник — жертва» осталось неизменным.

107. См.: StAZH. YY.25.7. Fall Anna Keller. 26.3.1835: 225.

Несмотря на законодательные нововведения, судьи учитывают финансовое положение ответчика при назначении штрафов, и здесь продолжают действовать представления раннего Нового времени о справедливом судопроизводстве. Оно, в свою очередь, включало в себя идею о том, что жертва имеет принципиальное право на компенсацию. Так, например, Иоганн Витзиг должен был выплатить 120 франков, так как суд постановил, что компенсация должна называться «по мере возможностей»¹⁰⁸. В деле же Соломона Ретшманна суд приговорил обвиняемого к выплате компенсации в 40 франков. Однако если Ретшманн окажется неплатежеспособен, то деньги должны быть взысканы не с его престарелой матери, а, по всей видимости, с кого-то другого¹⁰⁹. Также суд следил, чтобы жертва получила установленную выплату. Когда за попытку «изнасилования» был осужден восемнадцатилетний работник фабрики Генрих Шибли, он должен был заплатить 16 франков в качестве компенсации, а также 56 франков за судебные издержки; однако суд (чье именно это было решение — неизвестно) дополнил приговор освобождением Шибли от оплаты затрат на процесс, поскольку у него не было денег на это. Суд оставил приговор в силе и настаивал на возмещении судебных издержек в размере 16 франков¹¹⁰. То есть, он установил сумму, равную компенсации, тем самым не отказавшись от штрафа, но продемонстрировав реалистичность представлений (в этом случае в ущерб жертве) о платежеспособности осужденного. Принцип равенства заключался в том, чтобы наказывать обвиняемого надлежащим образом в зависимости от финансовых обстоятельств, а не устанавливать фиксированное, общеприменимое наказание.

Размер компенсации, устанавливаемый судом, варьировался между крайними значениями в 9 франков 12 раппенов¹¹¹ и 800 франков¹¹². Если не вдаваться в подробности, в качестве общего правила можно вывести, что за «изнасилование» преимущественно выплачивали от 80 до 120 франков, в некоторых случаях сумма могла достигать нескольких сотен франков, но во многих других случаях это могло быть около 40 франков. За «домогательства» судом был установлен гораздо более низкий уровень компенсации, причем

108. См.: StAZH. YY.10.7. Johannes Witzig. 18.3.1812: 99.

109. См.: StAZH. YY.10.5. Salomon Reetschmann. 31.10.1810: 319.

110. См.: StAZH. YY.12.6. Heinrich Scheibli. 13.10.1829: 289–291.

111. См.: StAZH. YY.25.32. Samuel Egli. 12.6.1847. unpag.

112. См.: StAZH. YY.25.7. Felix Gnehm. 16.6.1835: 481–484.

до наших дней дошли лишь два таких приговора¹¹³. Для потерпевших это значило, что они должны смириться с крайне неравноценными компенсациями, поэтому они редко обращались с жалобами, руководствуясь финансовыми соображениями; мотивом скорее было восстановление собственной чести. Это подтверждают те случаи, когда пострадавшие вообще не требовали компенсации или не знали, что им следует ее требовать. И суд часто принимал их сторону. Например, Элизабет Кюнг получила выплату в размере 64 франков в дополнение к компенсации расходов в 16 франков, хотя «изнасилованная» 34-летняя женщина вовсе не требовала компенсации¹¹⁴. В деле Франца Джозефа Сидлера в 1830 году суд вынес приговор за «изнасилование» пятилетней девочки, в котором, помимо прочего, обязал Сидлера выплатить 80 франков компенсации. Однако он мог внести лишь 23 франка. Мать девочки обратилась в суд с заявлением, что ввиду крайней бедности ей нужна вся сумма. Тогда суд обязал казначейство выплатить оставшиеся деньги и продлил срок каторжных работ на три месяца¹¹⁵. В других случаях размер выплаты назначался в зависимости от того, приводило ли преступление к беременности потерпевшей. В деле о двойном «изнасиловании» незамужней двадцатилетней Сюзанн Мюллер суд обязал обвиняемых выплатить каждого по 160 франков, однако, если бы Мюллер забеременела, то сумма бы возросла до 500 франков¹¹⁶. Вопрос же о том, какую сумму алиментов должен выплатить Якоб Кляйн, «изнасиловавший» незамужнюю 26-летнюю служанку, которая забеременела от него, оставили на усмотрение суда по делам о браке¹¹⁷. Принцип равенства также был нацелен на предотвращение ситуаций, в которых жертва сексуализированного насилия стала бы обременять государственную казну. Это может служить объяснением того, почему суд назначал размер денежной компенсации в индивидуальном порядке и только в 7 случаях ограничился исключительно денежными штрафами, которые составили от 8 до 80 франков. **Финансовая поддержка жертв посредством денежных компенсаций и вместе с тем превентивная социальная политика была для суда приоритетом при наказании виновных с помощью штрафов.** Социальная стигматиза-

113. Так, Рудольф Шоненбергер выплатил компенсацию в 6 франков, а Каспар Фер — в 50 франков. См.: StAZH. YY.25.21: 1479. Rudolf Schönenberger, 7.6.1842. Neuere Archive. 1842; StAZH. Y.52.1. Caspar Fehr. 6.10.1845. unpag. Neuere Archive. 1845.

114. См.: StAZH. YY.10.8. Matthias Kolliker. 5.5.1813: 189–191.

115. См.: StAZH. YY.12.6, Geheimprotokoll. Franz Josef Sydler. 8.12.1830: 93.

116. См.: StAZH. YY.10.1. Jakob Breitling und Georg Hirt. 2.7.1806: 156–160.

117. См.: StAZH. YY.10.17. Jacob Kuhn. 6.11.1822: 118–119.

ция часто происходила через долгосрочное или пожизненное полное ограничение в активных гражданских правах и лишение свободы, при этом, в отличие от других преступлений, приговоры ни в одном из случаев, рассмотренных в статье, не были смягчены или даже отменены помилованием.

То, насколько тяжелы были для осужденных судебные издержки и штрафы, иллюстрируется несколькими примерами: в среднем судебные издержки по делам о сексуализированном насилии составляли около 40 франков. Якоб Хаас, который сознательно отдал свою 12-летнюю дочь Сюзанну владельцу публичного дома, чтобы тот заботился о ней, и тем самым привел ее к занятиям проституцией, в 1804 году был приговорен к тому, чтобы в течение трех лет ежемесячно платить два франка в благотворительную кассу для обеспечения своей дочери¹¹⁸, то есть суд предположил, что два франка в месяц покроют расходы по уходу за ребенком. В общей сложности за нарушение своих отцовских обязанностей Хаас был оштрафован на 72 франка. Генрих Босхард, который саблей изувечил руку Генриха Шнайдера, поссорившись с ним из-за трубки, был обязан помимо медицинских и юридических расходов выплатить 80 франков компенсации, а также был приговорен к трем месяцам каторжных работ¹¹⁹. Когда в 1834 году Босхард был осужден во второй инстанции за клевету и оскорбление, штраф составил 40 франков, сумма компенсации — столько же¹²⁰. В сумме штрафы и компенсации, назначавшиеся насильникам, составляли серьезные наказания, которые, впрочем, были сопоставимы с наказаниями за другие правонарушения. Осужденные за «изнасилование», однако, также подвергались многолетней каторге различной степени тяжести, что было сравнимо с наказанием за детоубийство¹²¹. Осужденные за «домогательства» отделялись меньшими штрафами и приговаривались к более легким формам наказания — нескольким месяцам каторжных работ или лишения свободы. Пока у нас нет полноценной истории преступлений в Цюрихе переломного времени, невозможно удовлетворительно оценить, в какой степени судебная система рассматривала сексуализированное насилие как преступление, значительно отличающееся по своей тяжести от других актов насилия.

118. См.: StAZH. YY.7.3. Johannes Bluntschi. 10.10.1804: 1073–1074.

119. См.: StAZH. YY.10.7. 22.4.1812. Heinrich Boßhardt: 136–138.

120. См.: StAZH. YY.10.26. Heinrich Boßhardt. 5.7.1834: 603–607.

121. Например, приговор Элизабет Брайнер к десяти годам каторги: StAZH. YY.107. 18.3.1812. Neuere Archive. 1812.

Когда жертва обращалась в суд, она имела, согласно предварительному результату, реальные шансы на вынесение ответчику обвинительного приговора. Но система правосудия не всегда принимала сторону жертвы. Как показывает случай Луизы Ферр, представление о существовании последовательной судебной политики становится проблематичным. В первую очередь должны быть рассмотрены конфликты внутри правовой системы, которые возникали не в юридических дискурсах, а в судебных инстанциях. Родителям Луизы Ферр, которой было шесть с половиной лет, пришлось столкнуться с этим в 1845 году. Когда однажды их дочь, выполнив поручение, вернулась домой от сапожника Гаспара Ферра, не состоявшего с ними в близком родстве, она рассказала, что он напал на нее. Мать немедленно обратилась к приходскому священнику, но тот пояснил, что не занимается такими вопросами, и направил ее к окружному начальнику. Тот, в свою очередь, попытался уладить этот вопрос, сделав вид, что проблемы не существует. Ферр был арестован только после того, как неместный сельский жандарм Йохан Хардмайер, случайно присутствовавший при возвращении Луизы домой и слышавший ее жалобу, доложил об этом губернатору. Под этим давлением окружной начальник арестовал Ферра и написал очень краткий отчет в цюрихский суд. За это мужчины, проживавшие в той же деревне (об этом Хардмайер рассказал в показаниях), однажды вечером оскорбили его в трактире, а после закидали его окно камнями. Когда Хардмайер попытался также привлечь священника, тот ответил, что не может гарантировать ему безопасность¹²². В ходе судебного разбирательства окружной начальник отозвал свой отчет на том основании, что арест и отчет были «поспешными и, так сказать, были совершены под давлением сельского жандарма». Если бы он «расследовал этот вопрос до ареста так же, как и после, этого скандала [шумихи вокруг ареста Ферра] можно было бы избежать»¹²³. Ввиду этих разногласий суд Цюриха обязал губернатора провести дополнительное расследование. В итоге губернатор пришел к следующему выводу: «Из поведения чиновников и многих граждан <...> ясно, что намерением было замять дело и преследовать сельского жандарма»¹²⁴. По имеющимся источникам нельзя судить, был ли этот случай исключительным или нет. Но можно заметить, что представители судебной власти следовали отнюдь не в одном направлении. В целом можно предположить, что должностные лица в общине стремились ладить

122. См.: StAZH. YY.52.1. Johannes Hardmeyer. 1.9.1845 u. 9.8.1845.

123. См.: StAZH. Y.52.1. Schreiben Gemeindeammann. 8.8.1845.

124. См.: StAZH. Y.52.1. Schreiben Statthalter Schenk. 13.8.1845.

с ее жителями и потому должны были избегать трудностей, которые могут доставить им такие деликатные дела, как сообщения о сексуализированном насилии. С другой стороны, представители судебной власти, которые не проживали в общине, могли свободнее выполнять свои обязанности по надзору. Некоторые инциденты, вероятно, оставались незамеченными, однако тот факт, что для всех местных шансы на открытое расследование не были одинаковы, не следует воспринимать как систематическое сокрытие сексуализированного насилия со стороны властей (или тенденцию к нему).

VI. Эмпирические результаты и теоретические выводы: равное и неравное

До настоящего момента исследование сексуализированного насилия в раннее Новое время и переходную эпоху фокусировалось преимущественно на аспектах, связанных с изнасилованиями и инцестуальными отношениями. Такая проблема, как сексуализированное насилие над мужчинами в основном отошла на задний план. В статье не были рассмотрены отдельно ни случаи инцеста, ни случаи насилия над мужчинами, потому что в цюрихских судебных актах не отмечалось специально, в каких конкретно случаях было совершено насилие. Вместо этого по методологическим причинам в исследование была включена проблема сексуализированного насилия над детьми: это было сделано для того, чтобы иметь возможность выяснить, чем же были изнасилование, инцест или домогательство с юридической точки зрения; для того, чтобы определить предмет исследования, в статье реконструировались нужные юридические понятия, соответствующие рассматриваемому временному периоду. Однако этот прагматически разумный подход проблематичен, поскольку он понимает различие между изнасилованием и домогательством как существенное. Но юристы вплоть до 1830-х годов прямо в зале суда спорили о том, когда именно имело место «прелюбодеяние», и когда — «насилие над человеком для протivoестественного удовлетворения полового инстинкта»¹²⁵. Прокуроры и сами признавали, что «у криминалистов очень разнится понимание термина “попытка домогательства”»¹²⁶. В 1835 году в своде законов

125. См. например: StAZH. YY.10.27. Fall Anna Keller. 12.5.1835. Neuere Archive. 1835. Речь идет о насильственном сексуальном контакте, при котором эякуляция происходила вне влагалища, а значит «неестественно».

126. См.: StAZH. YY.10.26. Fall Heinrich Reymann. 19.7.1834: 665.

впервые было закреплено, что именно понимается под «изнасилованием», но без лингвистического разграничения терминов. Из-за расплывчатости определений следует выбрать другой способ концептуализации сексуализированного насилия. Вместо того, чтобы спрашивать, как изнасилование и домогательства понимались с юридической точки зрения, следует задаться вопросом: что сексуализированное насилие значило для суда? Подобная категоризация на основе судебной практики помогает избежать анахроничного предубеждения в отношении этих преступлений. На примере Цюриха я доказала, что «изнасилования» и «домогательства» необходимо рассматривать вместе, потому что только так можно установить, чем прежние представления о сексуализированном насилии отличаются от современных. Также для судей в Цюрихе раннего Нового времени и переломного времени крайне важное значение имел тот факт, был совершен коитус при акте насилия или нет. Однако для судей не было значимым фактором, кто стал жертвой насилия — ребенок или взрослый. Вплоть до XIX века суды пытались не только оценивать исключительно физические травмы, полученные жертвами, а также ущерб, нанесенный общественному порядку, но и противостоять (хотя со временем и в меньшей степени) греху. Однако любой, кто обращается только к юридическим кодификациям, игнорирует эти неправовые факторы юридической практики при оценке (не-)равенства в суде.

За период исследования, составляющий примерно 320 лет, протоколы судебных заседаний цюрихского суда подтверждают и дифференцируют эмпирические данные, полученные на других европейских примерах и характерные для отдельных периодов в течение веков, рассмотренных в нашем исследовании. Также в Цюрихе должно было быть большое количество незарегистрированных случаев сексуализированного насилия и многих внесудебных правил. В Цюрихе преступников из «отчетов разведчиков» и судебных материалов нельзя отнести ни к определенной возрастной категории, ни к определенному социальному классу. Из задаваемых судом вопросов также видно, что, как и в других местах, судебный процесс основан на юридическом дискурсе защищающейся и порядочной женщины. Женщина должна была уметь доказывать, что она всеми возможными способами защищала свое целомудрие и женскую честь, а также подтвердить свою хорошую репутацию. Неравенство соотношения сил в паре «преступник — жертва» не подлежит сомнению, даже если мы не можем описать его в деталях.

Некоторые исследования указывают на то, что суды должны были принимать во внимание современную медицинскую концеп-

цию, согласно которой оплодотворение женщины невозможно без ее желания и, следовательно, без ее согласия, и потому беременная женщина не могла считаться изнасилованной. В Цюрихе, однако, не было случаев, когда беременность изнасилованной женщины принималась судом как улика против нее. Несмотря на это, из допроса пострадавших женщин становится ясно, что юридически они имплицитно подозревались в провокации насильника, несмотря на то что ни один подозреваемый не выдвинул такого обвинения. Поэтому обращение в суд по делу о сексуализированном насилии для потерпевшей было связано с риском, что в результате судебного разбирательства ей придется смириться с потерей чести вместо того, чтобы восстановить ее. Эта скрытая асимметрия также, вероятно, была причиной того, почему сами женщины или законные опекуны не предъявляли обвинения в «изнасиловании» или «домогательствах» для извлечения выгоды, например финансовой.

Некоторым группам людей было особенно трудно обратиться в суд. Мужчин, которые жаловались бы на сексуальные преступления, почти не найти в судебных протоколах. Можно предположить, что чувство мужского достоинства не позволяло им сделать этого, а также, что слишком велик был риск быть заподозренным в «сладострастии» или «содомии». Дети, доверившиеся взрослым, сталкивались с тем, что те не хотели признавать случившееся или даже пытались скрыть то, что им пришлось услышать. Была ли причина в том, что они не хотели, чтобы нападения на их детей стали известны и таким образом нанесли бы ущерб их чести? Или они избегали риска связываться с членом деревенской общины или авторитетным человеком? Источники не дают ответов на эти вопросы, но однозначно показывают, что дети очень хорошо могли описать произошедшее, хотя в протоколах судебных заседаний не зафиксировано никаких эмоциональных реакций с их стороны. Дети, чьи дела все же разбирались в суде, допрашивались наравне со взрослыми и не теряли голоса. Протоколы судебных заседаний позволяют нарисовать портрет маленького взрослого, который при допросе не падает без чувств, а с уверенностью смотрит в глаза тому, кто причинил ему вред. Эмпирически удалось выяснить не так много, что, к тому же, вряд ли можно сравнить с другими примерами, учитывая текущее состояние исследований. В теоретическом плане необходимо включить проблему сексуализированного насилия над детьми в историю детства и обсудить вопрос о неравенстве категорий жертв¹²⁷.

127. Хотя Джули Гаммон рассматривает изнасилование девочек младше двенадцати лет в Лондоне XVIII века как типичную черту отношения общества к детству, она не развивает свои эмпирические наблюдения на концептуальном уровне дальше: (Продолжение на след. стр.)

В дополнение к текущему состоянию знаний в этой области, документы из Цюриха показывают очевидную ошибочность представления о том, что связь «насильник — жертва» всегда была основана на насильственных взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, хозяином и служанкой или отцом (отчимом) / братом / дядей и его дочерью / сыном / сестрой / племянницей. Должны быть приняты во внимание и другие типы взаимоотношений: слуга, который домогался до ребенка своего хозяина, сестры и брата или соседи, которые «одалживали» для «изнасилования» своих сестер или служанок (даже если такие ситуации были исключениями из правил). Подводя итог: к случаям сексуализированного насилия относятся также такие, которые переворачивают отношения социальной власти, а также где третья сторона способствует совершению акта насилия. Это позволяет расширить и дифференцировать категории акторов, при этом не забывая о том, что нельзя сравнивать жертв, дела которых были зарегистрированы с неизвестными, замалчиваемыми жертвами.

Цюрихский суд последовательно принимал меры по полученным жалобам. Изображение патриархальных инструментов власти, нарисованное старой женской историей о досовременных судах, пытавшихся «замять» дела или систематически дискриминировавших жертв, не соответствует действительности. Мы, конечно, должны ожидать конфликтных ситуаций между представителями судебной власти на разных уровнях и, следовательно, предполагать искажения в практике правосудия. Заявителям, вероятно, приходилось преодолевать сопротивление безынициативных приходских священников или местных руководителей, но более высокопоставленные представители судебной власти, такие как суд Цюриха соответствующей инстанции, надприходской орган, обеспечивали минимизацию финансовых и социальных последствий акта сексуализированного насилия для жертв. Суд определял степень порядочности жертв, предоставлял им материальную компенсацию, размер которой зависел от финансового положения виновных, и исключал осужденных из общественной жизни путем тюремного заключения или длительного позорящего наказания так, чтобы ответчики не могли договориться о чем-то с судом. Психологические мотивы преступников или психологические последствия для жертв не принимались во внимание. Если суд все же регистрировал случаи проявления эмоций, то скорее как свидетельства невинности истцов или вины подозре-

Female Juvenile Victims of Rape and the English Legal System in the Eighteenth Century // Childhood in Question. Children, Parents and the State / Anthony Fletcher, Stephen Hussey (Hg.). Manchester, 1999. P. 132–149.

ваемого. Обвиняемые были уверены в своем праве на удовлетворение сексуальных потребностей или могли ссылаться на него, и тем самым раскрывали не эмоционально-исторические, а гендерно-исторические представления о теле.

Правовое судейство не знало фиксированных, равных приговоров. Тем не менее, юстиция не была слепой фигурой, для которой одни и те же преступления были то более, то менее тяжкими. Закон устанавливал «произвольное» правосудие, суть которого заключалась в том, что размер денежной компенсации для жертвы и размер денежного штрафа рассчитывался в зависимости от платежеспособности подсудимого. В противоположность осужденным за другие тяжкие преступления, осужденные за сексуализированное насилие не могли (в отличие от Лондона¹²⁸) рассчитывать на помилование. Таким образом, в эмпирической плоскости юридическая практика в случаях сексуализированного насилия оказывается моральной и превентивной социальной политикой, которая была ориентирована не только на норму обстоятельств¹²⁹, но и на норму личности. Это показывает, что идея переговоров в истории преступности должна более четко разграничивать переговорные процессы в суде и вне суда. Более того, следует изучить, в какой степени эти процессы различаются в зависимости от категорий правонарушений, при этом правовой вердикт должен рассматриваться согласно и своей собственной, и религиозно сформированной логике. Но так или иначе, для Цюриха идея согласования наказания именно с судом в случаях сексуализированного насилия оказывается неубедительной. Религиозную оценку решений суда следует принимать во внимание по меньшей мере до XIX века, когда зал суда начал утрачивать свое значение как место для примирения с Богом.

Другое важное следствие для истории эмоций и пока слабо развитых исторических исследований травмы¹³⁰ заключается в том, что описания эмоций, оцениваемых неодинаково, не могут быть истолкованы как свидетельство антропологических констант. Важно задаться вопросом, какие функции зафиксированным эмоциям приписывают источники. Эмоции не только могут интерпретироваться многозначно — например, слезы как признак радости, боли, грусти и т.д. — но и менять свое зна-

128. См.: Durston G. Rape in the Eighteenth-Century Metropolis, Part 2. // *British Journal for Eighteenth-Century Studies*. 2005. № 29. P. 27.

129. См. примечание 17.

130. Насколько я могу судить, пока не существует ни одного исследования исторической травмы. Тем не менее, есть исследования, касающиеся феномена травмы. Исторический интерес до сих пор сосредоточен на опыте войны и геноцида, особенно в Новое время.

чение с течением времени. Так, например, суд Цюриха в XVI–XIX веках мог расценивать слезы как косвенное доказательство невиновности жертвы или виновности и раскаяния обвиняемого.

На сегодняшний день довольно мало известно о том, в какой степени судебные реформы XIX века повлияли на преследование сексуальных преступников. Обсуждаемый тезис заключается в том, что до XIX века правовые нормы практически не позволяли изнасилованным женщинам добиться судебного осуждения виновных. Кроме того, были распространены историко-правовые и уголовно-исторические идеи, согласно которым судебные реформы XIX века идут рука об руку с модернизацией уголовной практики. В этом контексте под модернизацией понимается отмена пыток, замена письменного судопроизводства устными судебными слушаниями и введение принципа равенства, который подразумевал назначение равных наказаний за равные правонарушения¹³¹. Пример Цюриха ставит это под сомнение. И хотя в Цюрихе во время Гельветической республики были проведены судебные реформы, юридическая практика еще долго оставалась под влиянием привычных правовых норм. Вплоть до 1850 года пользовались не только впервые внедренным в 1835 году уголовным кодексом, но и логикой раннего Нового времени о справедливых приговорах. Эти результаты, полученные эмпирическим путем, подчеркивают то, что взгляд на переломное время, согласно которому именно в этот период социальные структуры раннего Нового времени превратились в современные, должен быть переосмыслен как минимум в случае судебной практики Цюриха. Ввиду многочисленных преемственных связей в области сексуализированного насилия еще предстоит обсудить принципиально важный вопрос о том, пересекаются ли хронологически так называемые «досовременная» и «современная» эпохи и связаны ли эти эпохи теснее, чем это было видно до сих пор. Для того чтобы углубить эту перспективу, необходимы дальнейшие долгосрочные исследования, которые бы способствовали эмпирическому и концептуальному различению того, что является тождественным, и того, что таковым не является.

131. О всестороннем критическом обсуждении таких интерпретаций для Старой империи, Рейнской конфедерации и Германской конфедерации см.: Härter K. *Die Entwicklung des Strafrechts in Mitteleuropa 1770–1848. Defensive Modernisierung, Kontinuitäten und Wandel der Rahmenbedingungen // Verbrechen im Blick. Perspektiven der neuzeitlichen Kriminalitätsgeschichte / Rebecca Habermas, Gerd Schwerhoff (Hg.). Frankfurt, 2009. S. 71–107.*

Проф. Франциска Лоец
Университет Цюриха,
Департамент истории
f.loetz@hist.uzh.ch

Prof. Dr. Francisca Loetz
University of Zurich,
Department of History
f.loetz@hist.uzh.ch

Елизавета Вячеславовна Гайдукова
Национальный исследователь-
ский университет «Высшая школа
экономики» — Санкт-Петербург,
Департамент филологии,
магистерская программа
«Русская литература
в кросс-культурной и
интермедиальной перспективах»
lzbth.gdkv@gmail.com

Elizaveta Gaydukova
National Research University
Higher School of Economics
(Saint-Petersburg),
Department of Philology,
MA programme “Russian Literature
in Cross-cultural
and Intermedial Perspective”
lzbth.gdkv@gmail.com